

Андрей Быков

ОТРЯД ЗАРОДЫШЕЙ

Андрей Быков

Отряд зародышей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6129698

Отряд зародышей. Роман.: Городская организация Союза писателей;

Москва; 2013

ISBN 978-5-00014-012-3

Аннотация

«... Когда бой закончился, остатки моего отряда собрались возле нашей повозки. Почти все были ранены. Кто-то ещё во вчерашнем бою, как Цыган. А кто и перетягивал куском чистого холста свежую, полученную всего несколько минут назад рану, как Дворянчик, не уберёгшийся от укола копьём в правое бедро. Но, по крайней мере, все были живы. Все, кроме одного. Погибший Степняк лежал на ней, в залитых кровью доспехах и плаще и с глубокой резаной раной поперёк горла...»

Содержание

Дорога	4
Пост	123
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Андрей Быков

Отряд зародышей

*«... Хорошо обученный боевой пёс способен самостоятельно обнаружить опасность, оценить степень её угрозы, принять решение и, атакуя, устранить сам источник этой угрозы»
(из «Руководства по обучению королевских боевых собак»)*

Дорога

Сидя за широким столом, майор Стоури, командир четвёртого Конно-пикинёрного полка Его королевского величества, неторопливо изучал лежащие перед ним документы. Стоя по другую сторону необъятного по своей ширине стола, я спокойно глядел на офицера, ожидая его решение. Я – это сержант Грак из элитного Лейб-гвардии Конно-пикинёрного полка Его королевского величества, квартирующего во-дворцовых казармах. Всего две недели назад я проходил службу в гвардии. И всего два года мне оставалось до окончания полной выслуги.

После двадцати пяти полных лет службы меня ждала достойная пенсия, кругленькая сумма личных накоплений и спокойная жизнь в столице в качестве исполненного досто-

инства хозяина небольшого трактира или ресторации. Возможно даже, с избранием в члены совета общины. В общем, вполне спокойная и обеспеченная жизнь на склоне лет...

М-да... как многое может измениться в жизни человека всего за пару дней.

Я ещё помню те времена, когда наше королевство, Нуттария, находилось в составе великой Ярвандской империи, раскинувшейся по всему Западному континенту. Только в то время это было не королевство, а Восточная пограничная провинция. Территория эта раскинулась на пересечении нескольких торговых путей. На южном побережье расположился один из крупнейших портов Империи. В него стекались товары со всех восточных земель, не подвластных Империи. Купцы Запада и Востока встречались здесь для ведения своих торговых дел. И львиная доля торговых сборов шла тогда в казну Империи.

А какие только народности не проживали в нашей провинции! За те две сотни лет, что существовала Империя, в городах и посёлках окраинных земель перемешалось десятки наречий и языков. Не удивительно, что когда из наших краёв кто-либо приезжал в имперскую столицу, то понимали его там с пятого на десятое. Что ещё больше отчуждало нас, окраинных жителей, от центральной власти.

Более двадцати лет назад, когда я только ещё начинал свою службу в одном из конных полков, Империя была единой страной, управляемой Великим Императором. Но потом

в Имперской столице случился дворянский заговор, приведший сначала к гражданской войне и свержению правящей династии, а позднее — и к распаду самой Империи на несколько независимых государств. И наш нынешний король Герний являлся сыном и наследником того самого герцога, кто в смутные времена поднял знамя борьбы за независимость Восточной провинции, отбил себе огромный кусок от имперского пирога и основал собственную королевскую династию.

За все годы службы я прошёл через столько походов, сражений и битв, что, будь у меня дворянский титул, сам бы уже давно командовал полком. Не хуже того майора, что сидел сейчас за столом и изучал моё предписание. Ну, а так я всего лишь сержант-десятник...

Неслышно переступив с ноги на ногу, я незаметно оглядел кабинет. Справа, на стене, висело большое зеркало в рост человека. Скосив на него глаза, я увидел в нём своё отражение. А что? Ничего ещё выгляжу, не смотря на сорок «с хвостиком». Среднего роста, мускулистый, с коротко стриженными чёрными с проседью волосами, покрывающими круглую голову на короткой мощной шее, я сам себе чем-то неуловимо напоминал бобра, только что вылезшего из воды и осматривающегося вокруг в поисках подходящего дерева.

Переведя взгляд опять на майора, я вспомнил причину, по которой оказался в этом кабинете и чуть слышно вздохнул. Ну надо же было такому случиться, чтобы за два года

до окончания службы влипнуть в эту историю!

И вот теперь я, как последний дурак, стою тут и, изображая на лице тупость и лихость, плююсь на этого майора, который никак не может определиться, что же ему со мной делать? И я его отлично понимаю! С одной стороны – у него на руках чёткий приказ о выделении мне людей для организации поста наблюдения на горной границе. С другой – он, судя по всему, понимает, что ради такой, в общем-то, мелочи из столичного полка человека присылать не будут. Значит, у меня, что называется «залёт по службе». И я вроде как наказанный. Значит, особо со мной церемониться не стоит. Но, опять же – я сюда прямиком из столицы! А мало ли, какие связи у меня там образовались за последние пять лет...

Я прибыл в его полк лишь сегодня утром. С довольно-таки странным для сержанта столь престижной части предписанием. Организовать на горной границе сторожевой (наблюдательный) пост. И для выполнения сей непритязательной миссии ему, майору Стоури, надлежало выделить под командование вышеозначенного сержанта десятков конных пикинёров из своего полка. Формально сержант Грак (то есть я) приписывался к полку Стоури, но фактически получалось, что я и мои люди будем нести службу абсолютно самостоятельно, не подпадая под какой-либо контроль ни со стороны офицеров полка, ни со стороны самого майора. И при этом полк должен был обеспечивать нас всем необходимым для выполнения поставленной задачи. Довольно интересная, на-

до сказать, складывалась ситуация...

Вот и ломает теперь майор голову: как же быть и что делать?

Перечитав ещё раз подорожную и предписание, майор, наконец, поднял на меня глаза.

– Ну-с, сержант, как я понимаю, вам задача ясна, не так ли?

– Так точно, господин майор! Вот только...

– Что?

– Да... с местностью я не знаком... Мне бы в отряд кого из знающих эти места.

– Дадим-дадим, – усмехнулся майор, – когда думаете выступать?

– Как только люди, кого дадите, готовы будут, так и выступим. Чего сидеть-то? – развёл я руками.

– Ну-ну, – вновь усмехнулся майор. Потом, помолчав, добавил, – вот что, сержант, идите пока в канцелярию. Пусть там писаря продаттестат подготовят на десять человек. Пока – на полгода. Остальное вам потом доставят. Вот, возьмите, – майор подал мне короткую записку, – это отдайте старшему писарю. Он всё сделает. А часа через два вам представят всех остальных солдат вашего отряда. Если вопросов нет, можете быть свободны.

Что мне оставалось ответить?

– Есть, господин майор! – развернувшись, я чётким уставным шагом убрался за дверь.

Выходя от майора, я затылком ощущал на себе его взгляд, который, казалось, так и кричал:

«Иди, голубчик, иди. Интересно бы знать, что такого ты в столице натворил, что тебя в нашу глушь отправили? Да с предписанием перекинуть тебя ещё дальше, на горную границу. Иначе, как ссылкой, это и не назовёшь.»

Когда я проходил мимо сидящего в приёмной дежурного капрала, в кабинете комполка коротко звякнул серебряный колокольчик. Капрал, подскочив на стуле, чуть не спотыкаясь, бросился в командирский кабинет. Я слегка придержал шаг и в неплотно прикрытую дверь услышал распоряжение майора:

– Капрала Горши ко мне. Живо!

Спустя два часа после беседы с командиром полка я подходил к зданию штаба. Всё это время я провёл на интендантском складе, утрясая разные снабженческие мелочи и обсуждая с кладовщиком все пункты согласно полученного продовольственного аттестата. За это время с помощью двух работников, состоящих при складе, а также поминания всей их родни до пятого колена, споров с каптенармусом и достигнутых договорённостей с ним же, мне удалось собрать, упаковать и отложить в сторону всё, что было предписано получить для отряда перед отправкой на границу. И даже немного сверх того... ну, да за неполных двадцать пять лет службы я уж научился правильно общаться с маркитантским людом...

Когда я подошёл к штабу, у крыльца меня поджидал невысокий, коротко стриженный крепыш, назвавшийся капра-лом Горши. На первый взгляд он производил впечатление опытного, многое повидавшего вояки. Как потом выясни-лось, я не ошибся.

– Сержант Грак, – протянул я ему руку.

– Горши, капрал, – ответил он крепким рукопожатием и, хлопнув меня по плечу, добавил, – ну, пойдём, сержант. Буду тебе твоих людей представлять. Они уже ждут на плацу.

Пока шли к плацу, Горши в общих чертах обрисовал мне, что из себя представляют те воины, что выделены в отряд. Откровенно говоря, картинка меня не обнадеживала.

– Скажу сразу: знаю не всех, – признался он в самом на-чале разговора, – но из тех, кого знаю... в общем, порадо-вать тебя нечем. Ты, я вижу, воин опытный, бывалый. Я – из таких же. Потому и говорить с тобой буду на равных. Почти все они – новички. На службе пару месяцев, не больше.

– Как? – я чуть не споткнулся на ровном месте. «Это что за свинью мне тут майор подкладывает?» – мелькнуло в голове. Но это были ещё только цветочки...

– Да вот так, – хмыкнул Горши, – похоже, наш майор ре-шил с твоей помощью избавиться от лишнего мусора, оби-тающего в полку. А что? Формально он предписание вы-полнил. Людей тебе выделил, продовольствием обеспечил, маршрут указал. Не придерёшься...

– Ладно, давай, рассказывай, – мрачно буркнул я, когда

мы уже выходили к плацу.

– Вон, видишь, стоит один? Весь в бантах и с платочком у носа.

– Ну?

– Из разорившихся потомственных дворян. Едва-едва денег наскрёб на приличную лошадь. На офицерский чин средств не хватило, рядовым служит. Зато гонору и спеси – на троих хватит. Чуть что, сразу за меч хватается. И, кстати, машет им более-менее сносно. В полку – второй месяц.

Мы остановились у края полкового плаца, поглядывая на группу молодых воинов в центре площадки и продолжая тихо беседовать.

– Вон тот сухой и длинный, справа – это Спунт. На службе почти год. В общем-то – нормальный. И как воин неплох. Но уж очень горяч и своеволен. А вон тот чернявый – цыган.

– В каком смысле? – не понял я.

– В прямом. Какая-то тёмная история... То ли с бабой что, то ли закон табора нарушил. Точно не знаю... Он с прошлого месяца к нам в полк поступил. Как воин – пустой звук. Ни дисциплины, ни послушания, ни умения воинского. Конь у него, правда, загляденье! На таком коне не стыдно и генералу ездить. Наверняка спёр где-то. Да и сам он наездник, что надо. Это да...

– Давай про остальных, – напомнил я капралу.

– Ну, из остальных... Вон тот крепыш с короткими чёрными волосами, по слухам – внебрачный сын какого-то дво-

рянина. Бастард, в общем. И, по слухам же, цирковой борец. Только молод он слишком для опытного борца-то, – с сомнением в голосе добавил Горши, – лет двадцать ему, не больше. Кстати, тоже на службе чуть больше месяца. Но особо обрати внимание вон на того маленького. Вишь, глазками по сторонам так и шныряет. Этот – из воров.

– Из каких воров? – тут же сделал я стойку, – по солдатским мешкам шарится?

Только этого мне не хватало! Крыса в отряде!

– За таким делом пока замечен не был, – поспешил успокоить меня капрал, – да и то сказать, он всего месяц, как на службу поступил. Может, не успел ещё... А до того был самым натуральным вором. Это он таким образом из-под руки прокурора решил уйти. Из армии ведь, сам знаешь, судебским выдачи нет. Вот и подписал контракт на три года. Кстати, среди них он самый старший. Ему уже где-то под тридцать. И первый заводила и скандалист. Так и норовит свою линию гнуть... Вот, собственно, и всё. Про остальных – не знаю, не встречался. Но, судя по всему, тоже – из молодых.

– Понятно, – я задумчиво осмотрел своих будущих подчинённых и, коротко вздохнув, широким шагом двинулся через плац. Рядом, не отставая, так же широко шагал капрал.

Основную линию поведения я уже продумал. Оставалось только уточнить некоторые моменты и дальше уже действовать по обстановке.

Воины, заметив приближающийся младший командный

состав, развернулись к нам фронтом, изобразив нечто вроде шеренги.

– Становись! – коротко скомандовал капрал, подходя к изломанному строю на дистанцию в десять шагов. И, не дожидаясь выполнения команды, тут же продолжил, – представляю вам сержанта Грака! С этого момента он – ваш десятник. Вы обязаны ему подчиняться и выполнять все его приказы и распоряжения. Под его командованием вы направляетесь на границу для создания там сторожевого пограничного поста.

– И надолго? – скривился в усмешке тот, кого капрал назвал Спунтом.

– Это кто там голос без спроса подал? – я среагировал мгновенно. И выйдя вперёд, встал напротив него, – кто таков? Имя?

– Спунт моё имя, – и глядит мне в глаза с таким вызовом. Мол, поглядим, что ты за сержант такой.

Ну-ну, гляди. Как бы гляделки-то не поломались.

– Не понял, – качнул я головой, – повтори.

– Спунт! – голос уже явно начал повышаться.

– Детка, согласно устава воин армии Его королевского величества, представляясь, обязан полностью назвать свою должность, звание и имя, – голос мой звучал нарочито лениво и размеренно, – попробуем ещё раз. Имя?

– Воин конно-пикинёрного полка Его королевского величества, рядовой Спунт, – в голосе его явно слышалась издёв-

ка.

– Вот так, – я сделал вид, что удовлетворён ответом, – а чтобы ты и дальше не забывал порядок представления... Лечь! – голос мой из лениво-расслабленного в одно мгновение вдруг сделался резким и холодным, как лязг клинка о клинок.

Спунт дёрнулся было вниз, уже почти коснулся руками земли, однако тут же выпрямился и с вызовом уставился на мне в глаза:

– Что!? Не зарывайся, сержант! Как бы не обжечься...

«Ах ты ж, щегол, – думаю, – сам нарываешься! Ну, сейчас я займусь твоим показательным воспитанием. И другим наука будет!»

Резко выбросив правую руку вперёд, я ухватил молодого нахала за шиворот и прежде, чем тот успел понять, что происходит, швырнул его на землю, носом в пыль. В спину ему тут же вдавился мой правый сапог.

– Запомни раз и навсегда, – наклонившись к самому его уху, едва слышным шёпотом прошипел я, – если я отдал тебе приказ, ты должен выполнить его точно, быстро и в срок. И любой ценой! Встать!

Выпрямившись, я шагнул назад. Не чувствуя на себе более моего сапога, взбешённый до помутнения в глазах, Спунт сам вскочил на ноги.

И тут же упёрся глазами в мой ледяной взгляд. Кто б только знал, сколько времени я потратил специально на отработ-

ку именно ТАКОГО взгляда! Часами просиживал перед зеркалом, добиваясь нужного мне выражения в глазах. От меня потом на улицах бездомные псы шарахались, когда я так на них смотрел. А этот, ничего, устоял...

– Лечь!

– И не подумаю! Я вам что, щенок какой-то!? Дрессировать меня тут взялись. Я уже год, как в полку служу! Других дрессируйте!

Он брызгал слюнями, бледнел и сжимал кулаки, всем своим видом демонстрируя состояние дикого бешенства. Но при этом не делая ни одного резкого движения. Ха! А «бешенство»-то у него, похоже, вполне контролируемое. Ну, что ж, поиграем...

– Так, – заложив руки за спину, я тяжёлым взглядом обвёл стоящих передо мной потенциальных подчинённых, – похоже кто-то чего-то тут недопонимает. Объясняю в первый и единственный раз. Я на службе уже больше двадцати лет. И вы все для меня даже не щенки. Вы – зародыши в брюхе паршивой беременной суки! Именно так я и буду вас называть. Зародыши! И либо я сделаю из вас настоящих боевых псов, либо вы все передохнете!

Я решил ещё более накалить обстановку, чтобы они, так сказать, прониклись моментом и осознали ситуацию.

– И ещё... С этого момента имён у вас нет! Отзываться будете на те клички, что я вам дам. И так будет до тех пор, пока вы не докажете мне, что имеете право на своё имя. Вот

ты, – ткнул я пальцем в Спунта, – ты будешь Хорёк! Повтори!

– Я – не Хорёк! – зарычал доведённый до бешенства Спунт, – у меня имя есть!

– Правда? – я постарался изобразить на лице самый жуткий оскал, какой только мог. При этом, признаюсь, изнутри меня разбирал дикий смех. Как сдерживался – даже не представляю, – тогда докажи это прямо сейчас! Или сдохни!

С мягким шелестом меч вылетел из ножен, висевших на моём поясе. «Вот сейчас и поглядим, каков ты на мечах» – мелькнуло у меня в голове.

Миг и, не отскочи Спунт назад, голова его уже катилась бы по плацу. По крайней мере, именно такое впечатление должно было сложиться у всех присутствующих. Уж я-то позаботился о достоверности картинки...

Выхватив меч, Спунт едва успел отбить ещё две мои атаки. Попробовал на обратном махе атаковать сам и в тот же миг оказался лежащим на спине. Я, не желая затягивать схватку, перехватил его правую руку своей левой и просто сбил обормота с ног обыкновенной подсечкой. Уперев кончик меча в горло поверженного, я прорычал:

– Ты будешь Хорьком до тех пор, пока не научишься защищать своё имя с мечом в руке. Повтори!

Этот «звериный» рык я тоже не один раз специально отработывал. Впервые я его услышал лет десять назад, когда мы преследовали на западной границе банду хартугов, на-

скочивших на наши земли с территории соседней Империи и неплохо пограбивших пару приграничных деревенок. Так рычал их вожак, когда его с десятком верных нойоров удалось взять в кольцо. Ох и бился же он! И рычал при этом – просто жуть! Лошади на задние ноги приседали! Вот у него-то я этот рык и перенял.

Словами не передать, с какой ненавистью смотрел мне в глаза Спунт, после того, как я обозвал его Хорьком! Если б взглядом можно было убивать, я уже свалился бы у его ног бездыханной тушкой. А так пришлось только посильнее надавить ему на горло кончиком меча...

– Ну? – подбавил я ещё грозы в голос.

– Хорёк... – хрипло в ответ.

Ага, парень, жизнь-то, похоже, будет подороже дешёвого гонора!..

– Ещё раз!

– Хорёк, – сказал, как плюнул.

– Вот так, – теперь я действительно был удовлетворён. Выпрямившись, отклонил меч от горла проигравшего и отпустил его руку. Потом повернулся к остальным и, убирая меч в ножны, бросил, – через два часа всем собраться здесь же. Буду смотреть ваших лошадей, ваше оружие и имущество. Советую не опаздывать.

После чего развернулся и не торопясь направился к штабу. Я был уверен: на это сборище я произвёл достаточно сильное впечатление. Капрал двинулся следом.

В моё отсутствие у оставшихся на плацу юнцов произошёл следующий разговор:

– Да, повезло нам с десятником, – начал первым кто-то из них.

– А что? – насмешливо отозвался молодой дворянин, – сержант удивительно точен в своих высказываниях. По крайней мере – в отношении некоторых, – тут он кивнул на всё ещё сидящего на земле Спунта, – а ведь и точно – Хорёк! Вы только на его профиль взгляните! Вон какая морда вытянутая...

– Заткнись! – взвился тот.

– А то что? – холодно осведомился дворянин. Рука его легла на рукоять меча, – Хотите предложить дуэль, сударь? На одной вы только что уже побывали. Желаете ещё раз испытать судьбу?

– Посмотрим ещё, как он тебя обзовёт, – отводя глаза, пробурчал Хорёк. Он был уже осведомлён о том, что молодой граф неплохо владеет мечом и за короткое время пребывания в полку успел приобрести репутацию задиры и дуэлянта.

– Да ладно вам, – добродушно протянул здоровяк с раскосыми, как у степняка, глазами, – мало вам сержанта? Ещё между собой лаяться будете.

– Между прочим, хорёк – зверь хищный. И очень опасный, – как бы невзначай подал голос молодой парень, отличавшийся хорошо развитыми мускулами рук, гибкостью те-

ла и мягкой неслышной походкой.

Побитый сержантом воин только сумрачно глянул на него, но ничего не сказал.

– Похоже, шавки, нас ждут крутые времена, – подал голос тот, кого капрал назвал вором, – и либо этот грёбаный сержант обломает вас, либо – вы его.

– А почему это нас? – прищурился бывший борец, – к тебе это не относится?

– А меня и не такие ломать пытались, – хищно ощерился вор, – ты в наших трущобах не бывал. Тебе там и часа не прожить. Так что, – он легонько помахал в воздухе рукой, – это не ко мне. Надоест – свалю по-тихому, и травка не шелохнет.

– А я змеёю скользну между травкою,

Покусаю и скроюсь во тьме...

Ой, да буду гулять по дубравкам я

Наплевать на дружков моих мне,

– медленно перебирая струны, насмешливо пропел цыган.

– Ну, ты, чернявый, потише, – круто развернулся к цыгану вор, – я дружков своих не сдавал. За такие предьявы, знаешь ли, и по харе недолго отхватить. А среди вас у меня дружков нет.

– Ну так давай, попробуй, – улыбочиво предложил цыган. Гитара мгновенно оказалась у него за спиной. А в правой руке невесть откуда вдруг мелькнул короткий клинок мета-

тельного ножа. Вор моментально остыл. Все присутствующие знали, что в деле метания ножей цыгану не было равных. Всего неделю назад он на спор с расстояния в двадцать шагов пятью ножами прибил к двери казармы кожаную перчатку за каждый палец по отдельности. Понятное дело, ни у кого из присутствующих не возникало желание проверить, что же окажется быстрее: его меч или нож цыгана.

– Ты за словами-то следи, – проворчал напоследок вор.

Однако цыган, не оглядываясь, уже вразвалочку шёл к казарме, наигрывая что-то на своей гитаре. Остальные вразнобой потянулись следом.

«Если честно, то мне этот сержант сразу не понравился. Точнее – сначала это задание долбанутое, с которым он приехал – два года на горной границе торчать! – а уж потом и он сам. Уж больно дерзкий. И кличка эта, которой он меня обозвал – «Хорёк», тоже не понравилась. И звучит-то как мерзко...

У меня лично свои планы насчёт дальнейшей службы были. Год я уже отслужил. И теперь вовсю старался в самое ближайшее время заполучить себе капральский значок. Уже и со взводным нашим лейтенантом поговорил. У нас, с в эскадроне как раз место освобождалось – сержант один по выслуге лет увольнялся. Намечалась перестановка... А если я в эти горы поеду, то не видать мне ни должности десятника, ни звания капральского, как своих ушей... Да вот не

повезло мне слегка. За пару дней до приезда этого сержанта поцапался я по крупному с нашим эскадронным. Вот и решил он от меня избавиться. В отместку, так сказать...

Так что всё своё недовольство этой поездкой я и выразил, как смог. Да только кто ж знал, что этот столичный хлыщ таким крепким бойцом окажется!? Обычно приезжие столичные только и умели, что винище хлестать, да девок по углам зажимать. А этот вон как себя повёл... Что ни говори, а со мной он ловко управился. Сразу понятно: навыки боевые, не в фехтовальном зале полученные. В общем, решил я пока потерпеть, а там уж видно будет...»

– Не слишком ли ты круто завернул? – поинтересовался капрал, когда мы отошли от моего (теперь уже – моего!) десятка на достаточное расстояние.

– Ничего, – я усмехнулся, – им только на пользу пойдёт. А этот, Хорёк-то, нормально держится. Реакция есть. И напористость – тоже. Обучим.

– Ну-ну, – неопределённо протянул капрал, – тебе виднее. Гляди, как бы они первыми тебя не прирезали. Один ведь с ними будешь.

– А поехали со мной, – предложил я ему, – чего тебе тут в полку киснуть? А там – свобода! Сами себе хозяева. Что хотим, то и делаем. Как сами решим, так и службу справляем. Лишь бы ей не в ущерб. Поехали!

Мне и в самом деле всё больше и больше нравился этот

капрал. Спокойный, рассудительный, зря не болтает, и опыт, сразу видно, имеется.

— Да нет, — мотнул он головой, — это уж кому как. А я здесь, при полку буду. Да и повышение мне вскорости светит.

— Понятно, — покивал я, — повышение в нашем деле — штука важная и нужная.

— Ты куда сейчас?

— Да вот хочу кое о чём с господином майором поговорить.

— О чём это? — насторожился капрал.

— Да есть о чём, — загадочно протянул я, проходя в двери штаба.

Поднявшись на второй этаж и повернув налево, я подошёл к уже знакомой двери кабинета командира полка. У стены на стуле сидел давешний дежурный капрал и от нечего делать полировал суконкой свой нагрудный значок.

— У себя? — поинтересовался я, кивая на дверь.

— Угу, — кивнул капрал, не отрываясь от своего занятия.

— Я постучу?

— Попробуй, — равнодушно кивнул дежурный, — захочет, примет...

Я одёрнул форму и решительно постучал. Дождавшись ответа, широко распахнул дверь и шагнул внутрь.

— Разрешите, господин майор?...

— А, это вы, сержант... Заходите. Что у вас?

— Господин майор, я к вам по поводу тех людей, что были назначены в мой отряд.

– А в чём дело? Что-то не так?

– Так точно, господин майор! Это всё сплошь новобранцы. Они не то, чтобы не готовы к службе на границе... Они вообще о службе не имеют никакого понятия! Я считаю, что для выполнения моего задания требуются более подготовленные воины.

Особой надежды на хоть какой-то результат у меня не было. Но под это дело я хотел выторговать у майора ещё кое-что, крайне мне необходимое.

– Вот как? – саркастически усмехнулся майор, выслушав мой демарш, – вы, оказывается, ещё что-то там «считаете», сержант? А разве вас в столице не научили тому, что приказы должно исполнять? А не рассуждать о том, что вы «считаете», а чего – «не считаете»? Будьте довольны тем, что имеете! И потрудитесь не задерживаться с выступлением. Свободны!

Ну что ж, вполне ожидаемый ответ. Продолжим.

– Господин майор! Не я придумал это задание. Зато я отлично понимаю, кто может с ним справиться, а кто – нет. Или вы хотите, чтобы оно было провалено? Мне так и сообщить об этом в столицу?

– Послушайте, сержант, – майор вышел из-за стола и, подойдя ко мне вплотную, по-отечески взял меня под локоток, – ну, кому вы собираетесь сообщать? Кому в столице это нужно? Кого могут интересовать проблемы какого-то там сержанта? Уж кто-кто, а мы-то с вами отлично знаем, что вас просто убрали из столичного полка подальше от чьих-

то глаз... Верно? Потому и предписание у вас – находиться на этом сторожевом посту два года. Как я понимаю, до самого вашего выхода на пенсию, верно? Ну, а если даже кто-то вдруг поинтересуется, то я тут же объясню такому любопытствующему, что у меня и так в полку недобор. В каждом эскадроне до двух десятков человек не хватает... Как говорить: чем богаты – тем и рады. Так что езжайте, сержант, с богом, организуйте службу и сидите там два года тихо и незаметно. Как амбарная мышь. Вам всё понятно?

– У меня ещё один вопрос, господин майор, – я постарался скроить самую мрачную и озабоченную физиономию, какую только смог.

– Какой?

– Продовольствие и снаряжение я получил на весь отряд. А вот везти его не на чем. Интенданты, (чтоб им пусто было!) говорят, чтоб я сам об этом позаботился.

– И что же вам нужно? – майор уже вернулся на своё прежнее место за столом и теперь, вольготно развалившись в своём любимом кресле, благосклонно взирал на меня. Похоже, он решил, что неплохо бы несколько подсластить мою горькую пилюлю.

Так поможем же ему в этом!

– Телеги с лошадьми и возчиками, – высказал я своё пожелание.

– И всё? Ну, это несложно... Я распоряжусь! Вам выделят для доставки две телеги с возчиками. Но после того как

прибудете на место, они сразу же возвращаются назад! Это – приказ.

– Так точно, господин майор!

– Ну, если других вопросов нет, можете идти.

То, что мне было нужно, я получил. А других вопросов к майору у меня не было. И потому, лихо отдав честь, я развернулся и – убыл по своим делам.

Полдень. Середина мая месяца. Солнце слепит глаза. Полковой плац жарит, как сковорода на раскалённой плите. Сержант Грак (то есть – я), заложив руки за спину, медленно движется вдоль строя своего невеликого отряда. Восемь человек, разложив на утрамбованной земле плаца своё небогатое солдатское имущество, стоят изломанной линией, держа под уздцы лошадей. Стоят в полном вооружении. А это – кольчуга до колен, прикрытая на груди зеркалом, шлем с подшлемником и прикреплённым сзади «конским хвостом». На поясе – прямой кавалерийский меч. Хоть и значительно облегчённый в сравнении с пехотным, но тоже свой вес имеющий. В правой руке – пика длинной в пять локтей. Пот градом течёт с каждого. Осёдланные лошади, лениво встряхивая гривами и хвостами, отгоняют назойливых слепней.

Пройдясь перед строем справа налево, я развернулся и так же медленно пошёл в обратном направлении. Мне-то что? Я кольчугу и шлем не одевал. К солнцу иду боком. А голова так и вообще повернута лицом к строю. Получается, что солнце у меня вообще как бы за спиной. Это называется: «косвенное

воспитание личного состава». С давних пор известна старая армейская истина: «хочешь за. ть личный состав – поставь его лицом к солнцу». Что я сейчас с успехом и выполняю. Уж я-то отлично знаю эффективность данного способа воздействия на подчинённых. За годы службы сам его на своей шкуре не раз испытывал.

Дойдя до правофлангового, я остановился и резко развернулся лицом к строю. Глаза встретились с неподвижными зрачками стоящего напротив солдата.

– Имя?

Напротив стоял всё тот же Спунт, имеющий теперь свою собственную кличку.

– Ну?...

– Воин конно-пикинёрного полка Его королевского величества, рядовой. – и замолчал, не в силах произнести то, что я ожидал от него услышать.

– Ну?... – побольше угрозы в голосе, сержант, побольше...

– Хорёк, – скривившись, как от зубной боли, выдавливает из себя Спунт.

– Так, – удовлетворённый кивок и поощрительная улыбка, немного смягчаем голос, – показывай, что у тебя?

Осмотрев разложенное на плаще содержимое мешка солдата, особых замечаний ему не делаю. Да и повода, собственно, не имеется. Оружие в отличном состоянии, в мешке всё в полном комплекте. Лишь порекомендовал подточить меч,

да запастись лишней парой тетив для арбалета. Пригодятся.
– Рассёдлывай коня.

Дожидаюсь, пока Хорёк выполнит приказ, повернулся к остальным:

– Всем расседлать своих лошадей!

Потом вновь повернулся к Хорьку.

– Ну, давай посмотрим.

Осматривал коня недолго. Зубы, хорошо ли подкован, нет ли потёртостей под седлом, хорошо ли вычищен конь и вычесаны хвост и грива. Конём тоже, в основном, остался доволен.

– Хорошо. Седлай. И после смотра зайди в кузню. Пусть на задние копыта новые подковы набьют. В горы идём. А подковки эти уже подточились. Лучше поменять.

– Слушаюсь, господин сержант, – Хорёк, судя по всему, ожидавший очередных придинок, с явным облегчением перевёл дух.

Следующим в строю стоял добродушный здоровяк со степным разрезом глаз.

Когда я встал напротив, он представился, как рядовой Шорам.

Осматривая его имущество, я обратил внимание на то, что среди прочего у Шорама имелось и кое-что из набора кузнеца. Ну, там, клещи, небольшой молот, пара каких-то отбойников.

– Что это у тебя?

– Так я же полтора года подмастерьем в кузнице проработал, – развёл воин руками, – вот и прихватил. Вдруг пригодится?

– А что умеешь?

– Ну... Могу нож сковать, или там из деревенской утвари чего по мелочи. Коня вот могу подковать.

– Хорошо. Оставь. Пригодится. А чего это у тебя рожа степняцкая? Ты откуда родом? В степи родился?

– Да я-то сам в степи и не был никогда. А вид такой мне от бабки моей достался. Мой дед ещё когда молодым был, ходил в поход с графом нашим в степи дикие, что на северо-востоке. Вот там он и захватил степнячку молодую. Да такую уж красивую, что пока обратно шли, он в неё и влюбился. И у господина графа нашего попросил разрешения, чтоб жениться на ней. А так, как был он у графа на особом примете, то и разрешение получил без задержки. Вот так вот в роду нашем степная кровь и появилась, – улыбаясь, вновь развёл руками Шорам.

– Понятно. Тебе сколько лет?

– Так осенью уж двадцать первый год сполнится.

– Ну, значит, и прозвище у тебя будет соответствующее. Степняк. Повтори!

– Так как же, господин сержант? – растерянно посмотрел парень, – мне моё имя отец с матерью давали, с деревенским гадателем советовались.

– Не понял, что ли? – я-то его вполне понимаю. Мне этот

деревенский обычай знаком. Сам оттуда. Но. – или уже забыл, что я два часа назад сказал? Напомнить?

– Никак нет, не забыл, – голос парня звучал совсем потерянно.

– Повторить! – команда резкая, жёсткая. Ничего. Пусть привыкает подчиняться.

– Рядовой Степняк...

М-да. Квашня, а не воин. Пора встряхивать.

– Смирно! Ещё раз! Громче!

Парень вытянулся и, вскинув голову, резко ответил:

– Рядовой Степняк!

– Вот так. Уже лучше. Вещи можешь собирать. Коня вычистить ещё раз. Плохо почищен. И хвост ему как следует вычесать!

Рядом со Степняком – молодой воин лет двадцати трёх. Сухощав, жилист, светлые волосы до плеч, руки крепкие, с тугими мускулами. В разговоре выяснилось: охотник, родом из охотничьей семьи лесовиков. Звать Галмар. Как в полку оказался? Да надоело в лесу сидеть. Захотелось поглядеть, что в мире делается. Пришёл в город. Тут его и уговорил вербовщик в трактире контракт подписать. Пока стандартный, на три года, а там видно будет. Да, стреляет хорошо. Хоть из лука, хоть с арбалета. Нет, верхом никогда не ездил. По лесу всё больше пешком... но уже более-менее научился.

– Ладно, в пути поглядим на твоё более-менее, – ворчу в ответ, – прозвище твоё будет – Зелёный.

– А почему «Зелёный»?

– А потому, что из лесу вышел, – уже с усмешкой ответил я и повернулся к следующему.

Вашу Бога душу мать! И что же мы тут видим!? Мои брови сами собой изумлённо поползли вверх. Передо мной стоял, лениво помахивая перед лицом платочком, тот самый, из разорившихся. Весь в ленточках и бантиках, как девица на выданье. У ног его так и лежал неразобранный вещевой мешок. Да и, плюс ко всему, лошадь его тоже стояла нерассёданная.

– Это ещё что такое!? – справившись с первым приступом изумления, выдал я, – почему приказ не выполнен? Почему вещмешок не разложен, лошадь не рассёдлана? Со слухом проблемы? Уши прочистить!?

– Видите ли, господин сержант, – вальяжно эдак выкладывает он, – дело в том, что я сам подобными вещами не занимаюсь. У меня для того слуга имеется.

– Что!? – взревел я, как подрезанный буйвол, – какой такой, к чёртовой матери, слуга!? Ты кто? Солдат на службе или барышня в положении?

– Вы забываетесь! Я – дворянин! Моё имя – граф Корман! И мне по статусу положен слуга.

Я в какой-то момент даже испугался за него. Думал, задохнётся от возмущения. Его аж перекосило всего! Гляди ты – оскорблённое достоинство...

– Заткнись, дворянчик! Статус у тебя будет тогда, когда

ты из полка уволишься. Либо, когда станешь офицером. А ну, живо рассёдлывать лошадь!

– И не подумаю! – похоже, он уже тоже взбесился. Орёт так, что лошади шарахаются...

Не будем затягивать выяснение отношений. И тут же моя тяжёлая ладонь с силой хлопнула его по шее, буквально пригвоздив голову к седлу стоящей рядом альбиноски. Железные пальцы так сдавили яремную жилу, что у парня, похоже, помутилось в голове. По крайней мере, глазки начали закатываться. (Уж я-то знаю, куда и как надо давить) Продолжая сжимать пальцы, я наклонился к самому его уху и чуть ли не по слогам прошептал:

– Если ты, щегол, ещё хоть раз попробуешь задрать на меня свой облезлый хвост, я тебя удавлю. Ты всё понял?

Не в силах произнести хоть слово, молодой граф лишь что-то невнятно просипел. Похоже, он согласен. Ну, что ж, отлично! Пока мне большего и не надо. Удовлетворённо кивнул и, разжав пальцы, шагнул назад.

– Рассёдлывай!

Дождавшись, когда команда, не быстро и очень неловко, была выполнена, я сказал:

– С этого момента тебя будут звать Дворянчик. Повтори!

– Я – граф... – начал было снова Корман.

– Во-во! Граф, – перебивая его, тут же согласился я, – потому и прозвище тебе соответствующее. Напомнить?

– Не надо, – буркнул Дворянчик.

– Тогда сам вспомни.

Куда ему было деваться? Корман «вспомнил». Но это было ещё не всё. Надо было его кое-чем «озадачить».

– Цыган! – повернулся я направо.

– Здесь! – отозвался тот.

– О! – подняв палец, не замедлил я выказать своё удовольствие, – некоторые сразу своё прозвище улавливают...

– А чем оно плохое-то, господин сержант? – вновь отозвался Цыган, – когда оно так и есть.

– Ну, вот что, Цыган, даю тебе три дня. Обучишь Дворянчика с лошастью обращаться. Седлать, рассёдлывать, чистить, кормить. Ну, и всё прочее, что в дороге понадобится. А через три дня я проверю. И гляди у меня, – это уже к Дворянчику, – боже упаси, ежели мне что не понравится... А слугу своего можешь гнать в три шеи. Всё равно с собой ты его не возмёшь. И бантики свои обдери. Не на деревенской гулянке, – добавил я напоследок.

– Слушаюсь, – состроил тот недовольную мину.

За графом настала очередь невысокого крепыша с коротко стриженными светлыми волосами, голубыми, на выкате, глазами и забавно торчащими большими ушами. Назвался рядовым Локханом. На службе почти полгода. Отец – деревенский священник. А вот его в армию потянуло, решил послужить.

Осмотрев его имущество и коня, я сделал несколько мелких замечаний и пошёл дальше. Локхан оказался единствен-

ным, кому я пока ещё не придумал прозвище.

– Пока так походишь, – неопределённо сказал я, переходя к стоящему рядом с Локханом Цыгану.

Основную информацию о нём я уже знал. Осмотрев как следует имущество чернявого зубоскала, сделал ему хорошую выволочку в своём стиле за плохо почищенное и наточенное оружие, за бардак в вещмешке. Зато похвалил за ухоженного коня. Конь, кстати, и впрямь был хорош! Напомнил о Дворянчике и повернулся к очередному подчинённому.

– Рядовой Громаш, – представился тот.

Это был тот самый бастард, о котором упоминал капрал Горши.

– А ты, правда, в цирке борцом выступал? – поинтересовался я, осматривая содержимое его мешка.

– Нет, – мотнул он головой, – я только брал у цирковых борцов уроки борьбы. Мне по статусу невозможно в цирке выступать.

– Ещё один «со статусом» – хмыкнул я, – это по какому такому статусу?

– Я сын маркиза Казура.

– Внебрачный! – послышался насмешливый голос Дворянчика, – бастард! Мамка-посудомойка нагуляла!

Громаш дёрнулся, как от удара плетью, но, остановленный моим взглядом, смолчал. Лишь бросил короткий, как удар кинжала, взгляд в сторону обидчика.

Понятно... Болезненная тема для парня. Как бы он под

это дело дров не наломал. Я решил несколько смягчить ситуацию:

– Ну, вот что. Мне всё равно, кто там у тебя отец с матерью, и кем ты являешься. От тебя мне только одно нужно: хорошая служба. А прозвище твоё будет – Циркач. До тех пор, пока не вернёшь себе своё имя. Понял?

Похоже, до него уже дошло, что спорить смысла не имело...

– Понял, – а сам глаза отводит.

Не нравится. Это хорошо. Значит, будет из всех сил жизни рвать, чтоб только имя своё вернуть.

Строй замыкал тот самый бывший вор, на которого капрал советовал обратить особое внимание. Остановившись перед ним, я медленно, сверху вниз, осмотрел солдата и лежащие на плаще у его ног вещи. Потом перевёл взгляд на понуро стоящую лошадь. Всё это время вор стоял вольно, время от времени бросая в рот земляные орешки и сплёвывая шелуху на землю.

– Собери всё, – голос у меня задушевный, никакой угрозы не предвещающий. Я уже знаю, как воздействовать на него. Я знаю, чего он боится! А это – главное.

– Что собрать? – не понял тот.

– Шелуху всю с плаца собери. Это полковой плац, а не мусорка.

– Я чё, шнырь какой-то, што ли? Уборку тут наводить... Кому надо, пусть убирает.

– Слышь, ты, белочка с орешками... Я ведь с тобой спорить не буду. Уж кто-кто, а ты-то мне точно в отряде не нужен. Я сейчас, после осмотра, просто пойду в штаб, напишу рапорт о твоей полной непригодности к службе и подам его на подпись майору. И ты вылетишь из полка к чёртовой матери! Прямо в лапы к судейским. А ну, живо всё собрал!

– Ладно, чё орать-то? Прокурором сразу грозитя... Счас уберу, – сконфуженный вор присел на корточки, быстро подбирая с земли ореховую шелуху и ссыпая её в какую-то тряпицу.

– Встать! – я уже рычу. Более того! Я – в бешенстве!

– Ты, задрыга, – я нависаю всей своей массой над суетливо подскочившим солдатом, – забудь свои воровские замашки! Не на «малине»! Я тебе здесь и мать, и отец, и прокурор. И сам Господь Бог! Только слово у меня вякни, – я внезапно меняю тон и перехожу на тихий свистящий шёпот, – и будешь первым из всей этой кучки задохликов, кто у меня сдохнет под армейской лямкой. Всё понял?

Вор судорожно сглотнул, мигнул, и дёрнул подбородком вниз, как бы говоря: «конечно-конечно, я всё понял! Не извольте сомневаться»

– А прозвище твоё будет – Грызун. Чтоб ты всегда помнил о том, что я тебе сейчас сказал. Повтори!

– Так это... Грызун...

– Полностью!

– Воин Его королевского величества Конно-пикинёрного

полка, рядовой Грызун! – вытянулся тот, стараясь стать как можно выше.

– Вот так, – возвращаясь к нормальной манере разговора, говорю я и хлопаю его по плечу, – ну, показывай своё имущество.

А дальше пошёл полный разнос Грызуна по всем статьям осмотра. Вещи не стираны, оружие не вычищено и не наточено, в арбалетном колчане мало болтов, конь не вычищен, и т. д. и т. п. На одного Грызуна я потратил больше времени, чем на всех остальных, вместе взятых.

– М-да, – совсем выдохнувшись под конец, произнёс я, – это никуда не годится... Может, и вправду проще уволить тебя из полка?

– Не надо, господин сержант, – заканючил Грызун, – я всё сделаю! К завтраму всё будет готово. Только не увольняйте меня! Мне никак нельзя из армии... Ну, никак!

– Хм... Да? – я скептически качаю головой, – к завтраму, говоришь? Ну, ладно, завтра и поглядим, – потом повернулся лицом ко всему отряду.

– Завтра утром, по окончании завтрака, повторный смотр. Все недостатки должны быть устранены! Сразу после смотра – выступаем. Вопросы есть?... Вопросов нет... Разойдись!

Если выйти из расположения полка через массивные двустворчатые ворота, сбитые из толстых дубовых досок, повернуть направо и пройти с полсотни шагов, то окажешься прямо у входа в харчевню «Под пиками». Хозяин её, вышедший

пять лет назад в отставку капрал, название выбрал немудрящее и очень точно характеризующее основной состав своих посетителей. Потому, как ходили к нему пропустить стаканчик, а то и плотно покутить, в основном солдаты стоящего по соседству конного полка. Нередко сюда заглядывали и девицы свободного поведения, и различные мелкие торговцы, надеющиеся поживиться со скудного солдатского жалованья. Здесь же порой солдаты, вернувшись из какого-нибудь похода, сбывали всякую мелочь, доставшуюся им в качестве добычи. В общем, харчевня была довольно популярна у служивого люда и вполне пользовалась его благосклонным расположением.

Вставать на довольствие на сутки в полку смысла не имело. И потому основательно пропотевший и упарившийся за время проведения смотра на плацу, я решил заглянуть «Под пики» пропустить стаканчик-другой, а заодно и перекусить чего-нибудь. Тем более, что денежки имелись. Я вообще люблю покушать после трудного и жаркого дня. Как говорил один мой знакомый лавочник: «Себя надо любить. И потому кушать надо регулярно!» Вот только при нашей беспокойной солдатской службе не всегда такое удаётся. А значит – не будем упускать подвернувшуюся возможность!

Заказав себе большой кус холодной отварной телятины, жареные овощи, хлеб и кувшинчик доброго пива, я пристроился за столик у дальнего окна и принялся неторопливо поглощать всё, что молоденькая прислужница выставила на мо-

ём столе. А заодно приглядываясь и к ней самой, соображал, как так половчее подкатиться, чтоб ночку не одному коротать? За этим занятием меня и застал рядовой Локхан, до сих пор так и не получивший своего персонального прозвища.

Зайдя в харчевню, он остановился на пороге и внимательно огляделся по сторонам, явно кого-то выискивая. Увидев вкушающего с задумчиво-мечтательной мордой меня, он одёрнул форму, пригладил волосы под форменным беретом и решительным шагом направился к столу командира. Подойдя, вскинул руку в уставном приветствии и, опуская её, спросил:

– Разрешите обратиться, господин сержант?

«Господин я», жевавший в этот момент приличный кусок варёного мяса, на мгновение замер, потом что-то невнятно промычал сквозь набитый рот и кивнул. (Ещё бы! А что я мог сказать с полным ртом?) Локхан, расценив действия командира, как разрешение, продолжил:

– Тут такое дело, господин сержант... К нам на службу один человек просится...

Наконец справившись с мясом, я запил проглоченный кусок добрым глотком пива из стоящей рядом кружки и взглянул на солдата.

– Ну, а мне-то что? Пускай в полк идёт...

– Ну, это конечно, господин сержант, – замялся Локхан, – только он, видите ли, с нами ехать хочет.

– Так он именно ко мне просится?

Это становилось интересным. Не успев появиться в полку, я уже обрёл некоторую популярность! Причём такую, что люди ко мне в десяток сами набиваются. С чего бы это?...

– Так точно, господин сержант! Именно к вам!

– Вот как... И откуда же он меня знает? И почему ты за него тут хлопчешь? Ты что, его родственник? И, кстати, где он сам?

– Он тут, за дверью стоит. А я... ну, просто я его знаю...

– Откуда знаешь? Давно?

– Нет... Недавно. Пару месяцев!

– Так откуда ты его знаешь?

– Ну. Он – это.

– Чего «это»? – я уже начал потихоньку закипать. Мало того, что поесть спокойно не даёт, так ещё и мнётся, как девица на выданье, – не слышу чёткого ответа, солдат! Докладывай коротко, ясно, конкретно! Ну?

– В общем, он – слуга графа... в смысле – Дворянчика, – тут же поправился Локхан, и уточнил, – в смысле – бывший слуга.

Ах вот оно что. Дворянчик решил всё же оставить слугу при себе. Но только под видом солдата. Ну, я ему устрою!

– Я, кажется, сказал гнать этого слугу в три шеи! Вы что, решили из меня дурачка сделать? «Заезжего столичного» развести? – голос мой, как это обычно бывает перед бурей, сделался крайне спокойным и задушевным.

Локхан, похоже, почуявший надвижение этой самой гро-

зы, заговорил торопливо, чуть заикаясь и резко, прерывисто вдыхая воздух:

– Господин сержант, никак нет! Просто... Парню идти некуда. Один он совсем, всю семью потерял! Его граф, Дворянчик то есть, больше из жалости взял. Ещё когда только в полк поступать ехал. Вот с тех пор он при полку и живёт. Он и в услужении-то только за еду да кров у Дворянчика был. Возьмите его, господин сержант! Вы не пожалеете. Мы вчетвером в одном эскадроне были. Я, Дворянчик, Грызун, Цыган. Мы его знаем.

– А почему ж он раньше в полк не записался?

– Да. как-то не думали об этом, – пожал плечами Локхан.

– А теперь, значит, как прижало, подумали? – я уже усмехаюсь. Похоже, дело обстоит несколько иначе, чем я себе вначале представлял, – ладно, где он там? Давай его сюда. Для начала я должен на него взглянуть.

Торопливо кивнув, Локхан бросился к двери, приоткрыл её и, высунув наружу голову, что-то крикнул. Спустя пару секунд дверь раскрылась и на пороге появился нескладный парень. На вид ему было лет двадцать. Высокий, слегка сутулый, сухошавый.

«Ничего. Откормим, мясо нарастет.» – подумалось мне. Особенно выделялись кучерявые пушистые волосы цвета льна, пышной шапкой лежавшие на голове. Глаза смотрели доверчиво и как-то. по-телячьи, что ли?

Стоя перед моим столом, парень нерешительно переми-

нался с ноги на ногу и не знал, куда деть свои длинные загорелые руки с широкими ладонями. Локхан стоял чуть сбоку и позади него, давая своему командиру возможность вести разговор с кандидатом напрямую, без посредника.

Вдоволь налюбовавшись на новобранца, я будничным голосом поинтересовался:

– Кто таков? Откуда?

– Так это... Степишем меня зовут... Из Кравулек я... Село такое. На самой границе с Большой степью стоит.

– Деревенский, значит. А чего в город понесло?

– Ну, так сложилось, – опустил парень голову. Голос его дрогнул, кисти рук, спрятавшись за спину, сжались в один кулак.

– Бывает, – качнул я головой. Понятное дело: границы нынче беспокойные. Видать, там всю семью и потерял, – что делать-то умеешь?

– Так всё, что на селе делают... Пахать могу, копать, деревья рубить, дом поставить. Да мало ли.

– Ну, пахать-то тебе вряд ли придётся. А верхом ездить умеешь?

– А как же! Сызмальства к лошадям приучены. И верхом могу, и как за лошадьё ухаживать, и как упряжь чинить. Меня отец всему научил, – на последней фразе голос опять предательски дрогнул и Степиш отвернулся, уводя глаза в сторону.

– А с оружием обращаться?

– На охоту с рогатиной ходил, – неуверенно ответил парень, – с самострела могу стрелять...

– И как стреляешь?

– Ну, шагов на пятьдесят в бегущего зайца попаду, – не удержался от похвальбы новичок.

– Тебе сколько лет?

– Осенью двадцать будет, – как-то неуверенно, будто припоминая что-то, ответил он.

– Та-ак, ясно.

В целом мне и в самом деле всё было понятно. Совсем ещё зелёный. Ну, да где их, зрелых-то, взять... А у меня десяток не полный... Но сразу я ничего говорить не стал. Помолчал какое-то время, похлопывая ладонью по столу и испытующе глядя на новобранца. Что бы он, так сказать, поглубже почувствовал серьёзность момента. Потом, вздохнув, сказал:

– Ну, вот что, парень, я тебя возьму. Но только запомни... Ты теперь будешь солдатом на службе Его королевского Величества. И если я хотя бы один раз замечу с твоей стороны по отношению к другим хоть что-то, похожее на замашки слуги, я тебя тут же вышвырну из отряда к чёртовой матери! Ты хорошо понял, что я сказал?

– Понял, господин сержант, – закивал головой Степиш.

– А ты, – повернулся я к Локхану, – запомни сам и передай другим. Особенно – Дворянчику. Попробуете его как слугу использовать, я вам такую весёлую жизнь устрою... Все два года животики надрывать будете! Усвоил?

– Так точно, господин сержант! – вытянулся тот, бросив быстрый взгляд на Степиша.

– Хорошо. Поглядим. Значит, так. Сейчас идёшь с ним в полк. Находишь там капрала Горши. Объясняешь ему суть дела. Пусть отведёт новобранца к полковому писарю, чтоб его в полковой реестр вписали. И пусть выпишет на него про-
даттестат на полгода! После этого занимаешься его экипировкой и получением довольствия. И постригите его. А лучше – обрейте! А то стоит тут, как одуванчик. Кстати! Именно так тебя и будут теперь звать. Одуванчик. Повтори!

Степиш, не понимая, о чём идёт речь, растерянно оглянулся на Локхана. Тот незаметно кивнул головой, как бы говоря: «Делай, что велено. Потом объясню».

– Одуванчик, – недоумевающим голосом произнёс парень, вновь поворачиваясь ко мне.

– Запомни это, – с нажимом произнёс я и взглянул на Локхана, – а ты... Тебе я тоже прозвище придумал. Полоз!

– Почему – Полоз? – от неожиданности мигнул тот.

– Вообще-то правильное тебя было бы назвать Ужом. Похоже, ты очень хорошо в любую дырку влезть можешь... Но слишком коротко получается. Так что – будешь Полозом. Всё, свободны! Завтра утром он стоит со всеми в строю, как положено. Смотреть буду по полной! И что был готов к выходу! Всё понятно?

– Так точно! – хором ответили оба.

– И чего стоим? Марш выполнять!

Парни, дружно развернувшись, бегом бросились к двери. Я же, довольно ухмыльнувшись, отпил ещё глоток из кружки и вновь принялся за мясо, горкой лежавшее передо мной на блюде.

Однако, спокойно поесть так и не пришлось. Спустя пару минут после того, как я побеседовал с новобранцем, напротив меня, едва не перевернув спяну лавку, уселся кто-то из местных конных пикинёров, вероятно, отгуливающий положенную увольнительную. Со стуком поставив на стол глиняную бутылку с вином и стакан, он принялся бесцеремонно разглядывать меня, временами бросая по сторонам многозначительные взгляды. Я продолжал поглощать мясо, стараясь не смотреть на него. Не дождавшись моей реакции, он решил обратить на себя моё внимание иным способом. Перегнувшись через стол, он заглянул мне прямо в лицо и с пьяной интонацией протянул:

– О! Поглядите-ка У нас тут столичная штучка образовалась... Да ещё в лейб-гвардейском мундире... Слышь, ты, канарейка, мундирчик в боках не жмёт? Не растолстел на столичных-то харчах?

Интересно... Насколько я знаю, «канарейками» называли столичных лейб-гвардейцев только на западной границе. Там места лесные да болотистые. И потому у тамошних конных пикинёров мундиры были тёмно-зелёного цвета. И им, само собой, было непривычно и даже смешно видеть жёлто-красные мундиры заезжих столичных гвардейцев. Но я ведь сей-

час не на западе, а как раз таки наоборот. До восточных гор три дня хорошего конного хода. Или гвардию и здесь тоже «канарейками» кличут?

— Чего надо? — я отпил из стакана и поставил его обратно на стол.

— Да вот спросить хочу...

— Спрашивай, — я посмотрел ему прямо в глаза.

— А правду говорят, что во время войны вы свои белые парадные рейтузы на коричневые штаны меняете? Чтоб, если что, на зад у пятна не так заметно было? — довольный своей шуткой, он громко расхохотался, оглядываясь по сторонам.

Ишь, ты! Чем дальше, тем интереснее! Эту шутку я не слышал уже лет пять. С тех самых пор, как был переведён с западной границы в столичный полк. Более того! Эту шутку практиковали только в одном месте. Именно в том пограничном полку, где я в своё время оттарабанил целых шесть лет.

Я вгляделся в лицо сидящего напротив шутника. На вид — лет тридцать, может, чуток поболее. Жилист, смотрит с прищуром, пальцы сильные. Такими можно гвозди меж собой скручивать. Загорелый. Значит, с запада (если он там был) уже давно. В лесах так не загоришь. Лицо не знакомое, по крайней мере, не припоминаю. Зато я отлично помню, какая именно реакция ожидается на эту шутку от «канарейки». Ну, что ж, не будем его разочаровывать. Видать, скука его тут, в захолустном гарнизоне заела. На развлечения потяну-

ло. Ладно, развлечём.

– Ты, парень, похоже, слишком пьян, коли позволяешь себе столь дерзко разговаривать с сержантом королевской гвардии. Поди-ка, prospись. Да не забудь завтра явиться к своему капитану и доложить о своей непомерной дерзости. Пусть он сам решит, каким образом тебя примерно наказать.

Вот приблизительно так и отвечали нам «канарейки», выросшие при столичных дворцах и лишь изредка бывавшие на границе в качестве почётного сопровождения старших офицеров армии.

Похоже, другого ответа мой собеседник и не ожидал. Довольно усмехнувшись, он ещё раз огляделся по сторонам и, повернувшись ко мне, произнёс:

– А не пощипать ли нам пёрышки у этой залётной пташки? Заодно и поглядим, станут ли его рейтузы из белых – коричневыми.

– Слышь, паря, – резко переменил я тон, – тебе что, зубы жмут? Проредить?

– Нет, вы только послушайте, как наша «канареечка» запела! – изумлённо воскликнул он, – Ты где так разговаривать научился? Уж не при дворцовом ли борделе?

Откровенно говоря, мне этот бессмысленный пьяный трёп уже порядком поднадоел. Наглец явно нарывался на драку. «Придётся бить ему морду» – мысленно вздохнул. Навалившись грудью на стол, я одним резким движением выбросил вперёд руку, ухватил противника за шею и притянул

к себе.

– Хочешь поговорить? – нехорошо глядя ему в глаза, медленно процедил я, – А не боишься потом всю жизнь жиденькой кашкой питаться и под себя ходить?

Не успел я это произнести, как рядом с нашим столом образовалась мощная фигура владельца заведения.

– Значит так, господа спорщики, – жёстко произнёс он громовым голосом, – для начала заплатите мне за съеденное и выпитое. А после того оба поднялись и – марш на улицу свои дела решать. Я у себя в таверне погромов и драк не потерплю!

Я отпустил загривок наглеца и медленно поднялся.

– Сколько с меня?

– Четверик серебряный, – быстро ответил трактирщик, – а с тебя, любезный, полтина. Ты с утра тут вином наливаешься. И как только до сих пор под стол не рухнул, ума не приложу...

Расплатившись с трактирщиком, мы вышли за дверь и остановились. За нами увязалось с десяток любителей горячих потасовок.

– Ну, – поинтересовался я, оглядываясь по сторонам, – здесь побеседуем? Или куда пойдём? Я ведь не здешний. Подходящих мест для нашего разговора не знаю.

– Не будем шуметь на городской улице, – пьяно качнул головой мой соперник, – не ровён час – патруль набредёт...хлопот не оберёшься. Пройдёмся. Тут недалеко, направо по

переулку. Пара сотен шагов, и – премиленький заброшенный пустырь. Там и поболтаем...

– Ладно, показывай, – согласился я.

Он развернулся и, не оглядываясь, двинулся к ближайшему переулку, время от времени громко икая, что-то неразборчиво бурча и не обращая никакого внимания ни на меня, ни на наших спутников. Я пошёл следом. Остальные любители традиционных воинских забав потянулись за нами.

Ох, и не нравилось мне всё это. В какой-то момент я даже пожалел, что согласился идти на этот чёртов пустырь! Кто его знает? Может, зрители-то наши – не просто зрители, а подельники моего подвыпившего оппонента. Вот придём на пустырь, как накинута скопом – и не отмахнешься, не гляди, что меч на боку висит. Да и он сам тоже, теперь-то уж видно, не новичок в драке. И назад не повернёшь. Позорище на всю оставшуюся жизнь! Проще самому себе горло перерезать, чем трусом прослыть! Ладно, доберёмся до пустыря, а там поглядим...

Поневоле я начал прислушиваться к разговорам, раздававшимся у меня за спиной. В целом всё сводилось к обсуждению шансов на победу одного из дуэлянтов, то есть моих либо моего соперника. Некоторые, особо рьяные, уже даже начали заключать пари и делать ставки.

– Сержант этого пьянчугу сделает, – авторитетно заявил простуженный бас.

– Как же, сделает! – насмешливо ответил фальцет, – Разуй

глаза! Этот «пьянчуга» за всю дорогу ни разу не покачнулся.

– Точно! – поддержал его ещё кто-то, – А за дворцовой стражей особых подвигов никогда не замечалось.

– Слышь-ко, сержант, – раздалось у меня за спиной, – а вы как биться-то будете? До смерти али как?

– А тебе-то что? – бросил я через плечо, не оглядываясь.

– Да так... интересуемся...

– До места дойдём, а там уж поглядим, – всё так же не оборачиваясь, ответил я.

Меня обогнал один из особо рьяных спорщиков и, подойдя к моему сопернику, дёрнул того за рукав:

– А ты как скажешь? Чего думаешь?

– Чего тебе? – покосился тот, даже не замедлив шага.

– Ну, это... как биться-то будете? До смерти?

– Если ещё будешь донимать меня глупыми вопросами, то я для начала вспорю брюхо тебе, – услышал он в ответ мрачное обещание и поспешил отстать.

– Не... не устоять сержанту, – резюмировал кто-то.

После чего произошёл целый ряд перезаключений пари и смена ставок.

Пока я прислушивался да размышлял о предстоящем, мы прошли означенные две сотни шагов и выбрались на поросший густой и высокой травой пустырь. По краю его виднелись несколько деревянных домов, окружённых заборами-плетнями. На месте пустыря, похоже, тоже когда-то было чьё-то хозяйство. Да погорело. Вон и обугленный остов дома

с пристройками посреди пустыря виднеется.

Сопровождавшие нас зрители остановились немного поодаль, в паре десятков шагов, вольготно расположившись по кругу кто стоя, а кто и сидя прямо на траве. Чтоб, значит, и дерущимся не мешать, и видеть всё во всех подробностях. Что ж, будем надеяться, что они и в самом деле лишь любопытствующие, и не более того.

– Внимательно осмотрелся, сержант? – поинтересовался мой соперник и вытянул из ножен меч, – Ну, тогда доставай свой клинок, да начнём помаленьку. Заодно и поговорим.

– Чего тут долго разговаривать? – хмуро усмехнулся я, – Бей да коли! Вот и весь разговор.

– Не совсем, – покачал он головой, медленно двигаясь по кругу и вращательными движениями разминая кисть руки, держащей меч.

Я тоже начал заходить вбок, стараясь завести солнце себе за спину.

– Не, сержант, так не пойдёт, – ухмыльнулся он, – не надо меня к солнцу лицом ставить...

Сделав резкий выпад, он крест-накрест нанёс сверху два рубящих удара. Так как они были выполнены уж очень явно, я их спокойно отразил и быстро отшагнул, ожидая какого-нибудь хитрого финта после столь откровенного выпада. Вместо этого я вдруг услышал:

– Кстати, сержант, тебе привет...

– От кого это? – признаюсь, слова его меня удивили. Этого

я уж никак не ожидал. А то, что я услышал следом, вообще едва не выбило меня из контроля над ситуацией.

– А от коронера Серебряных мечей, – безмятежно ответил он и, сделав быстрый колющий выпад, крикнул, – не зевай, сержант!

Отбив его выпад, я опять отскочил назад и, выставив перед собой меч, задумался. Не переставая при этом, понятное дело, следить за действиями соперника. Тот, видимо, понимая моё состояние, с атакой не торопился. Лишь покручивал мечом, продолжая медленно обходить меня по кругу. Поворачиваясь за ним, я напряжённо размышлял.

Дело в том, что о существовании того человека, звание которого я только что услышал, знало довольно небольшое количество народа. А о том, кто именно носит это звание, знали ещё меньше. Лично я, например, мог только предполагать, кем на самом деле является коронер. Да и то только потому, что служил в лейб-гвардии конно-пикинёрном и время от времени исполнял некоторые особые поручения высшего командования.

Отсюда – два вопроса. Первый: откуда он знает про коронера? Второй: если всё же знает, тогда что означает этот призыв в свете происходящей между нами потасовки с возможным смертельным исходом?

– Что, сержант, озаботился? Ждёшь, что дальше будет? – усмехнулся мой противник, слегка покачиваясь из стороны в сторону.

– Говори, – коротко предложил я, продолжая следить за его перемещениями. Сам я в атаку лезть уже не спешил. Сперва слушаем.

– Не теперь и не здесь, – коротко ответил он, проводя серию быстрых ударов и уколов, – много лишних ушей и глаз.

– А ты на что рассчитывал, когда ссору затевал? – усмехнулся я, отбивая его атаки.

– Просчитался, – поморщившись, согласился он и остановился, как бы переводя дыхание, – В любом случае – увидимся позже. Я тебя найду. А теперь – заканчиваем по быстрому.

– Мне проигрывать не к лицу, – предупредил я.

– Тогда нападай, – отозвался он.

Сделав обманный выпад, я резким скручиванием выбил у него из руки меч и короткой сильной подсечкой сбил с ног. Он как-то уж очень легко, даже с готовностью, упал на спину и – замер. Не теряя времени, я приставил кончик меча к его горлу. Столь стремительное окончание нашей схватки было встречено восторженными криками одной части зрителей и – воем разочарования – другой. То есть – выигравших и проигравших, соответственно.

– Надеюсь, ты не будешь слишком упрямым и признаешь свой проигрыш? – громко, чтоб слышали все остальные, спросил я, – Или всё же предпочитаешь, чтоб я перерезал тебе горло?

Не спорю, звучало по идиотски напыщенно и картинно.

Но чего ещё могли ожидать на этой пограничной окраине от придворного сержанта? Так что, приходилось, так сказать, соответствовать...

– Признаю, – прохрипел он, слегка разводя руки в стороны.

– Хорошо. Поднимайся.

Убрав меч от его горла, я отошёл на пару шагов. Мой странный собеседник неспешно поднялся, подобрал свой меч с земли и убрал его в ножны.

– Хорошо быёшься, сержант, – чуть заметно улыбнулся он, – Слишком хорошо для придворного шаркуна. Что ж, признаю свою ошибку. Прощай, сержант.

Махнув рукой, он развернулся и направился в обратную сторону.

– Подожди! – окликнул я его, – Ты себя не назвал.

– Браур.

– И всё?

– Да. Просто – Браур.

– Я запомню, – кивнул я, – прощай, Браур.

Тем временем меня окружили наши зрители.

– Держи, сержант, – здоровяк с простуженным басом ссыпал мне в ладонь пару золотых и несколько серебряных монет, – это твоя честная доля. А теперь – пошли с нами, отпразднуем победу!

– Спасибо! – я улыбнулся и подкинул монеты на ладони.

Что ж, неплохой приворок к небогатому сержантскому со-

держанию.

– Я бы и рад пойти с вами, да только мне обратно в полк пора, – продолжил я, ссыпая монеты в свой тощий кошель и вновь убирая его за пазуху, – я ведь по службе сюда прибыл. Но если успею, то обязательно присоединюсь к вам. А вот это, – я протянул здоровяку один золотой, – считайте, что я проставился!

– Отлично! – воскликнул тот и подмигнул мне, – Не задерживайся, сержант! Мы будем «Под пиками».

Помахав им на прощание рукой и поулыбавшись, я направился в полк.

Откровенно говоря, никаких особых дел у меня не было. Просто мне требовалось некоторое время побыть одному. Возникла настоятельная необходимость хорошенько обдумать события, произошедшие со мной за последние четверть часа. Уж слишком значимое имя было озвучено этим подвыпившим задирой. Да ещё в столь не подходящей обстановке. И при этом в полной уверенности, что оно мне знакомо. Это не было случайностью. Он отлично знал, что нужно делать и как именно, для того, чтоб вытащить меня из таверны. Но, как сам и признал, немного просчитался. За нами увязалась куча нежелательных свидетелей. Что ж, и такое тоже случается... И теперь, неторопливо бродя по пыльным улочкам этого захолустного городишки, я ждал продолжения беседы. Браур пообещал, что сам разыщет меня. Что ж, я и не скрываюсь. Вот он я. Шляюсь по улицам туда и сюда,

ожидаю, не появится ли где мой странный соперник. Однако, пробродив часа три, я так никого и не встретил. Махнув на всё рукой и решив, что проблемы лучше всего решать по мере их возникновения, я направился «Под пики».

Заметно подгулявшая компания наших случайных зрителей была ещё там и встретила меня восторженным рёвом, как родного. Мне тут же протянули стакан с вином, кто-то пододвинул тарелку с кусками варёного мяса... и празднование «Великой победы» загудело по-новой...

На следующий день, в первой его половине, небольшой конный отряд под командованием некоего сержанта, приблудившегося из столицы в местный полк, выехал из городских ворот по направлению к границе, протянувшейся по горному хребту, в трёх днях пути от города. Следом за отрядом две пары крепеньких лошадёнок тащили пару нагруженных выше некуда возов. Это и был запас продуктов и необходимого имущества, полученный мной на полковом складе из расчёта на первые полгода. Остальное, по словам майора, должны будут доставить осенью.

Утренний осмотр прошёл, по моему мнению, вполне удовлетворительно. Даже новичок, получивший прозвище «Одуванчик», выглядел довольно сносно. Конечно, можно было бы добиться и лучшего, но времени уже совсем не оставалось.

«Ничего, – высказал я своё решение вслух, – у меня ещё будет возможность вами заняться!»

Личный состав, услышав столь радужное обещание, заметно приуныл. Я же, не обращая внимания на их кислые физиономии, махнул рукой, скомандовав выступление.

И вообще, настроение у меня в то утро было просто великолепно! Трактирная служаночка оказалась на редкость понятливая, умелая и любвеобильная. Так что сговорились мы с ней быстро и без проблем. А ночью ещё выяснилось, что и в постельных делах она не новичок. В общем, как говорится, ночка удалась! А если ещё прибавить к этому вкусный и сытный завтрак, которым милая девица угостила меня на дорожку, а также приличный кусок пирога с кашей и флягу доброго пива, выданные мне ей же. Одним словом, жизнь сияла во всех своих красках! Что, естественно, не могло не радовать.

Правда, одна история несколько подпортила настроение. Точнее, даже не подпортила, а как бы это сказать?... Ну, что ли спустила с небес на землю.

Это произошло в тот момент, когда я осматривал содержимое вещевого мешка Одуванчика. Среди набора необходимого любому солдату имущества я вдруг увидел небольшую тряпичную куклу, притулившуюся между полотенцем и запасной рубахой.

– Это ещё что такое? В куклы не наигрался? – ткнул я в неё пальцем, обращаясь к Одуванчику, – убрать немедленно!

– Господин сержант, – голос его задрожал, а глаза вдруг начали наполняться слезами, – разрешите оставить. Это мне

на память от сестрёнки досталось... Я ведь потерял всех... И её тоже...

Я почувствовал себя несколько неловко. Но лица мне, сержанту, терять не положено. Особенно перед таким пацаном, как Одуванчик. Потому решил не менять с ходу своего решения.

– Рассказывай! – потребовал я, разворачиваясь к нему всем корпусом.

– Мы с отцом в тот день в город на ярмарку поехали, – торопливо, словно боясь, что его перебьют, заговорил парень, – день туда. На телеге. День – обратно. Ну, и ещё день на рынке провели. Пока сами расторговались, пока прикупили чего надо. Три дня нас не было. А когда под вечер уже, к деревне нашей подъезжали, то сразу почуяли неладное. Ещё на пригорок не въехали, а уж запах гари чудился. Ну, отец лошадь и погнал.

А как наверх из балки-то выскочили, так и увидали... Налёт на деревню был. Несколько домов сгорело. И наш тоже, – Одуванчик опустил голову и шмыгнул носом, – мы когда с отцом во двор въехали, там одни головёшки от дома остались. Горячие ещё. И ни мамки, ни сестрёнки, ни братишки младшего не было. Я эту куклу в кустах на огороде нашёл. Видать, там Славутку и поймали. Нам потом соседи, кто уцелел да от степняков схоронился, сказали, что степняки напали на второй день, как мы в город уехали. У нас в тот день много мужиков из деревни в город ездили... А граф наш со

своим отрядом за ними вдогон пошёл. И мужики наши, на конях которые, за ним пошли. И отец мой тоже. Да только не догнали они никого. Ушли. — Одуванчик, так и стоя с опущенной головой, замолк.

— А отец твой где же? — прервал я затянувшееся молчание.

— А отец в степь ушёл. Мне сказал, что ты, мол, большой уже, сам о себе позаботишься. А я, мол, пойду их искать. Я с ним хотел. Да отец не взял. Сказал, чтоб я род наш продолжил... Господин сержант, разрешите мне куклу оставить! — вновь попросил он.

Ну, что я мог ему ответить? Да и не такая уж великая для службы проблема эта кукла. А историй таких у нас на пограничье была уйма. Всё никак не получалось уговорить этих чёртовых кочевников. Так и норовили влезть на наши земли да пограбить, что под руку попадет.

— Когда это случилось?

— А прошлой осенью. Они завсегда осенью приходят. Как урожай с полей снимем да лишнюю скотину порежем. Тогда в любой деревне есть, что взять.

— Так если знали, что придут, чего ж граф ваш заранее о защите земель своих не озаботился?

— А кто ж их устережёт, когда они придут? — пожал плечами Одуванчик, — не будешь же в поле лагерем стоять до самых холодов. Только догонять их и остаётся.

— Ладно, оставляй, — махнув рукой, буркнул я.

Уже перед самым отъездом я подозвал Цыгана.

– Держи! Это тебе.

– Что это? – Цыган непонимающе покрутил в руках горн.

– Это труба. Сигнальная, – пояснил я, – ты же у нас музыкант. Вот и будешь в отряде сигналистом, военные сигналы на ней исполнять.

– Каким сигналистом!? – взвыл Цыган, – да я такое в жизни в руках не держал! И никаких сигналов я не знаю!

– Ничего, – покровительственно похлопал я его по плечу, – узнаешь. Я тебя научу.

И, обернувшись к остальным, махнул рукой:

– Садись!

– И будет теперь Цыган у нас, как балаганный музыкант, на всех инструментах играть, – не замедлил язвительно прокомментировать Дворянчик, – человек-оркестр! Спешите видеть!

Обернувшись к нему, я лишь погрозил кулаком и scomандовал:

– Отряд! За мной! Рысью! Марш!

Однако, не успели мы отъехать от города и пары миль, как один из возчиков окликнул меня и, когда я оглянулся, ткнул кнутовищем себе за спину.

По дороге от города в нашу сторону скакал одинокий всадник, поднимая клубы пыли. Когда конь его поравнялся с нами, я без особого удивления узрел в седле своего вчерашнего знакомого, некоего Браура. Придержав скакуна, он слегка поклонился всем сразу и произнёс:

– Всем доброго утра! Здравствуйте, господин сержант. Прошу прощения за то, что я вновь причиняю вам некоторое беспокойство. Но случилось так, что мне представилась возможность провести своего давнего знакомого в одном небольшом селении. В паре дней пути от города. Это как раз по дороге с вами. А так как путешествие в одиночку может оказаться весьма сомнительным удовольствием, то я прошу разрешения присоединиться к вашему отряду.

– Ты где это выучился столь изысканно выражаться? – невольно подивился я.

– Просто мне приходится помнить о том, что я общаюсь с человеком, прибывшим из столицы и при этом прекрасно владеющим мечом, – усмехнулся он, – Ну, так что вы мне ответите?

– Я не против, – пожал я плечами, – помните только о том, что командиром отряда являюсь я. И любые мои решения являются законом одинаково для всех.

Вместо ответа он лишь вежливо улыбнулся и слегка склонил голову в поклоне.

До самого вечера отряд наш шёл не останавливаясь. Я решил сразу же приучать личный состав к долгим и быстрым переходам верхами. Движение моё сдерживали только наши обозные телеги, никак не поспевавшие за аллюром верховых коней.

Когда где-то ближе к полудню Хорёк попробовал было заикнуться об обеде, я лишь качнул головой и выразился в том

духе, что мы, мол, не на прогулке, а в воинском походе. И потому желающие чего-либо перекусить могут сделать это, не сходя с лошади. Слава богу, у каждого в мешках имеется запас вяленого мяса и сухарей, а во флягах полно воды. Пришлось парням довольствоваться столь скромным угощением... Сам я, разумеется, закусывал пирогом и запивал пивом, полученными в дар от моей ночной подружки, поминая её добрым словом.

Дорога вилась средь полей, ещё совсем недавно вспаханных и засеянных. По сторонам её время от времени мелькали усадьбы с рощицами фруктовых деревьев, с виноградниками и ягодниками. Солнце щедро поливало жаром своих лучей нашу крошечную группку всадников, мчавшихся где-то там, далеко внизу, под ним. На небе – ни облачка. В воздухе – ни ветерка. Казалось, и сам воздух застыл в звенящей тишине окружающего нас бескрайнего пространства. Лишь далеко на востоке синели узкой полоской горы. Да перед ними – более тёмная полоса нетронутого леса.

Вообще-то большую часть пути я вёл отряд не крупной рысью. Но временами переводил лошадей в галоп, а временами приостанавливался до обычного шага. Заодно на ходу я оценивал, кто из всадников и в какой степени умеет держаться в седле и управлять скакуном. Общая картинка была довольно незавидной. Если не считать Цыгана, действительно оказавшегося великолепным наездником, а так же Дворянчика, Хорька и Полоза, тоже являвших собой неплохих на-

ездников, остальные явно оставляли желать лучшего. Приятно удивил и Одуванчик, прекрасно управлявшийся со своей каурой кобылой и крепко сидевший в седле. Но в целом занятия по верховой езде и вольтижировке нужно будет проводить со всем отрядом...

Браур держался в седле великолепно, всю дорогу молчал и ни коим образом не выражал даже тени недовольства нашим рваным аллюром. И если бы не некоторые обстоятельства нашего знакомства, я даже рискнул бы предложить ему войти в мой отряд. А так... Оставалось только гадать, что же он собирается делать дальше.

Солнце уже коснулось своим диском далёких гор, когда я облюбовал подходящее место для ночлега, свернув к небольшому леску, раскинувшемуся в полумиле от дороги. Ещё немного, и весь отряд на крупной рыси въехал под широкие кроны многолетних дубов, вязов и осин, росших на небольшом возвышении с незапамятных времён.

– Слазь! Привал! – вскинул я руку и без особого труда спрыгнул с лошади. Мне-то что? Я к таким переходам уже много лет привычный. А вот остальные выглядели не очень.

Кряхтя и постанывая, они буквально сползали с сёдел и, будучи не в состоянии разогнуть затёкшие колени, падали прямо на траву. Оставлять их в таком состоянии было никак нельзя. Нужно было, чтоб ноги их, затёкшие от долгой скачки, размялись, и кровь вновь побежала по жилам. А для этого есть только один способ: найти солдатам работу.

Тем временем, дробно грохоча колёсами, по деревья вка-
тились обе повозки. Коротким жестом указав возницам, где
и как им встать, я развернулся к валяющимся на траве под-
чинённым.

– Чего разлеглись? А ну, подъём! Лагерь я за вас обору-
довать буду, бездельники!?

– Господин сержант... Ноги... – слышался чей-то сто-
нувший голос.

Так. Срочно требуются радикальные меры воздействия!

Ничего не говоря, я подошёл к одному из возниц и забрал
у него длинный хлыст. Встав перед лежащими бойцами, ши-
роко размахнулся, и свистящая полоса хлестнула точно меж-
ду Хорьком и Грызуном, раскинувшими свои руки и ноги в
густой траве.

– А ну, встали все!

Понимая, что шутить в данный момент я не настроен, пар-
ни, охая и постанывая, принялись подниматься с земли.

– Коней расседлать и стреножить, – принялся я отдавать
распоряжения, – Зелёный, Полоз, Грызун. Возьмите у возчи-
ков бак и вёдра, принесите воды для ужина. И не забывайте:
надо ещё коней напоить.

– А где её взять, воду-то? – подал голос Полоз, с кряхте-
нием снимая с кобылы седло и бросая его на траву.

– А ты у Зелёного спроси. Он у нас житель лесной. Думаю,
воду он в лесу найти сумеет.

– Ладно, пошли. Разберёмся, – буркнул Зелёный напар-

никам, направляясь к повозке.

Проводив их пристальным взглядом, я повернулся к остальным.

Цыган уже торчал возле Дворянчика, что-то деловито объясняя ему о том, как правильно рассёдлывать лошадь и обтирать её от пыли и пота.

Ладно, с этими понятно. Не будем их отвлекать. Подождём.

– Циркач, Хорёк, Степняк. Дрова принесите.

Названные, ни слова не говоря, отправились в лес. При этом Степняк не забыл прихватить с телеги топор и кусок прочной верёвки. Я его предусмотрительность мысленно отметил и поставил маленький плюстик. Но ничего не сказал. Потому что в этот самый момент.

– Отвали! Надоел уже! Без тебя разберусь! – резкий голос Дворянчика раздался откуда-то слева.

Я стоял за деревом. Ни Дворянчик, ни Цыган меня не видели. А потому говорили совершенно свободно. Возможно, думали, что я где-то у повозок.

– Чего ты ерепенишься? – это уже голос Цыгана.

– Я сказал, сам разберусь! Ещё мне тут всякие бродячие цыгане советы давать будут.

– Слушай, ты... голубокровый... – похоже, Цыган здорово разозлился, – да мне наплевать, как ты за своей кобылой ухаживать будешь! Но я не хочу из-за тебя, козла, от сержан-та звездюлей получать. Он дал мне три дня научить тебя об-

ращаться с лошадьё. Через три дня – свободен! Делай, что хочешь! Но до того момента слушай, что я тебе говорить буду, понял?

– А то что?

– А ничего!... Кнутом заporю!

– Что!? Кнутом? Да я тебя, мерзавца, прямо сейчас на меч насажу!

– Господин граф! Ради Бога, не надо!

Ого! А это уже голос Одуванчика. Интересно. И что же будет дальше? Я, шагнув к дереву поближе, уселся у самых корней, привалившись спиной к стволу, покрытому ребристой корой.

– А ты не лезь, холоп! Я сам с ним разберусь!

Похоже, Дворянчика понесло вразнос. Чего Цыган-то молчит?

– Господин граф, не делайте этого! Ну, давайте, я сам вашу кобылку расседлаю. И почищу её, и покормлю. Только не надо дело до греха доводить...

А вот это мне уже совсем не нравится. Ведь предупреждал же! Пора вмешаться.

– Одуванчик! – заорал я на весь лес, – Одуванчик, чёрт бы тебя побрал, ты где? А ну, бегом ко мне!

Как и следовало предполагать, тот вынырнул из-за дерева в ту же секунду, как был вызван мной.

– Ты где шляешься, обормот? Почему я тебя по всему лесу разыскивать должен?

– Мы тут это, господин сержант, – залепетал он, – мы тут лошадь господина графа...

– Кого!?! – казалось, моему изумлению не будет предела, – какого ещё, чёрт возьми, графа? Откуда он здесь взялся?

– То есть, виноват, господин сержант... В смысле – Дворянчика, – быстро поправился парень, – лошадь мы ему объясняли с Цыганом как рассёдлывать.

– Объяснили?

– Да То есть, не то, чтобы очень...

– Наплевать! Остальное Цыган потом сам объяснит. А ты – марш за дровами! И чтобы через десять минут вот здесь, на этом самом месте, горел костёр.

– Так ведь, господин сержант, за дровами же уже пошли...

– Ты что, не понял? Я сказал, чтоб через десять минут вот здесь был костёр! Хватит болтать! Марш выполнять приказание!

Одуванчик, похоже, понял, что дальше спорить – судьбу гневить. То есть, в данном случае – меня. И счёл за лучшее ретироваться.

Очень хорошо. Теперь – дальше.

– Цыган! Дворянчик! Оба ко мне! Живо!

– Я здесь, господин сержант, – Цыган среди всех выглядел самым бодрым. Видимо, сказывалась привычка к кочевой таборной жизни. Дворянчик появился из-за дерева молча и встал несколько отстранённо и с насупленным видом.

– На вас – ужин.

– А что готовить-то? – это Цыган.

– А вот чего сготовите, то и есть будем.

– Ладно, – Цыган озадаченно почесал затылок, подумал и направился к возам с поклажей.

Подгоняемый моим мрачным взглядом, Дворянчик нехотя двинулся следом.

К тому моменту возчики уже своих лошадей распрягли, обтёрли пучками травы и, стреножив, пустили пастись.

Подошедшему к повозкам Цыгану они без слов выдали котёл для приготовления пищи и потребное количество продуктов. Перетаскив вдвоём с Дворянчиком все припасы поближе к будущему костру, Цыган принялся за чистку овощей. Дворянчик же, как более привычный к обращению с подстреленной дичью, занялся разделкой мяса. Навык у него в этом деле был не ахти какой, но кое-что всё же получалось...

Пару минут спустя на поляне появился Одуванчик с охапкой сухих тонких веточек. Усевшись на том месте, что я ему указал, он сложил нечто вроде шалашика и принялся сноровисто высекать огнём искры...

Присев рядом с Одуванчиком, я некоторое время наблюдал за его действиями. Потом, как бы невзначай, спросил:

– Слышь, Одуванчик, а у тебя что, лакейская натура в крови, что ли?

– Почему это? – он даже несколько обиделся и, оторвавшись на мгновение от высекания огня, обернулся ко мне.

– А чего ж ты по старой привычке кинулся чужую лошадь рассёдлывать?

– Так ведь, господин сержант, мне это не трудно. А господина графа. То есть, Дворянчика, – тут же поправился он, поймав мой взгляд, – надо же было что-то сделать, чтоб он на Цыгана не кинулся. Он знаете какой? Сначала натворит чего-нибудь, а потом ходит, сам себя ругает. За горячность свою. Он ведь на самом деле хороший. Только гордый очень. И заносчивый. Вот и приходится его иногда сдерживать, – Одуванчик принялся вновь высекать огонь. Всего несколько ударов кресалом о камень, по поляне пополз лёгкий дымок, и вот уже небольшой огонёк весело заплясал на веточках, ожидая, когда же ему подкинут более солидную пищу.

– Понятно, – сказал я, глядя, как Одуванчик подкладывает в огонь мелкие веточки, – а ты, стало быть, решил ему вроде няньки быть?

– Ну, почему – няньки? – пожал парень плечами, – просто должен же кто-то его от ошибок глупых удерживать.

Мне он вдруг стал интересен. Вроде бы обычный деревенский увалень. Да ещё совсем пацан. Даже в сравнении с остальными. А рассуждал уже совсем, как взрослый, состоявшийся мужчина. Несмотря на всю его доверчивость и добродушие, в нём чувствовался некий внутренний стержень, прочно удерживавший Одуванчика на однажды выбранном жизненном курсе и не позволявшем с него свернуть. Видимо, сказывался хоть и непродолжительный, но достаточно

насыщенный событиями жизненный опыт. Особенно приобретённый за последние несколько месяцев жизни.

– Хорошо, – согласился я, – приглядывай за ним. Но если я ещё раз замечу что-либо похожее на прислуживание – вылетишь из отряда к чёртовой матери. Усвоил?

– Усвоил, – кивнул он, коротко взглянув на меня и отмахиваясь рукой от дыма.

– А ты молодец, – не преминул похвалить я его, поднимаясь с земли, – умеешь костёр разводить.

– Да уж, – улыбнулся он, – мы ведь дома с ребятами в ночное часто ходили. А там костёр – первое дело! Научишься...

Взгляд его вдруг стал отсутствующим, устремлённым куда-то вдаль. Глаза затуманились, а голос сделался тихим и задумчивым. Не иначе, дом вспомнил.

Ко мне подошёл, помахивая веточкой, Браур. Постоял, легко отмахиваясь от комаров и поглядывая по сторонам.

– Сложно с ними будет, сержант, – произнёс он.

– Ничего, – хмыкнул я, – обтешутся...

– Хотелось бы пожелать вам удачи...

– Пожелай.

Вскоре появились посланные за водой воины. Установив рядом с Цыганом бак и пару вёдер с водой, они принялись поить лошадей. После чего наконец-то смогли позволить себе небольшую передышку. Немного позже появились и остальные, волочившие за собой несколько тонких засохших осин и берёз. По моим самым скромным прикидкам,

этих дров должно было хватить до утра с лихвой.

Постепенно всё как-то само собой образовалось и маленький военный лагерь зажил своей обычной походной жизнью.

Цыган время от времени помешивал большим деревянным черпаком бурлившую в котле густую похлёбку, при этом то добавляя в костёр дрова, то отодвигая горящие ветки в сторону, когда закипало уж слишком бурно.

Кто-то занимался дырой на плаще, пришивая латку крупными широкими стежками. Те, кто ходили за водой, умылись прямо в ручье. Остальные, оттащив два ведра в сторонку, сейчас с удовольствием, фыркая и плескаясь, смывали с себя дорожную пыль.

Вскоре ужин был готов. Расстелив на траве походный стол из своих плащей, нарезали хлеб, колбасу, сыр, выложили фрукты. И вот уже весь отряд уселся вокруг, ожидая, когда же Цыган разольёт свою похлёбку по деревянным мискам. Зелёный поставил на край плаща парящий котелок, прикрытый крышкой.

– Что там у тебя? – поинтересовался Циркач.

– Чай, – ответил парень, – на травах заваренный. Мы в лесу всегда такой делали, если целый день бродить приходилось. Очень хорошо жажду утоляет и силы прибавляет. И ночью после него спиться легко.

– Чай – это хорошо, – согласно кивнул я, – особенно – на травах. Я к травам вообще с большим уважением отношусь. А ты в травах хорошо разбираешься?

— Ну, так... знаю кое-что, — уклончиво ответил Зелёный, — мать рассказывала.

— Так... принимайте! — раздался весёлый голос Цыгана, — чья плошка? — над головами сидящих появилась первая миска с дымящейся густой похлёбкой.

— О! Это моя! — раздался не менее радостный голос Степняка, — давай сюда!

Миска, пройдя по кругу, оказалась в его широких ладонях и, завершив своё недолгое путешествие, осторожно опустилась на расстеленный плащ.

Следом свою порцию получил сидевший рядом со мной Полоз. Поставив миску на плащ, он мелко-мелко покрошил в неё сухарь и принялся неторопливо перемешивать содержимое, ожидая, пока оно слегка остынет и кусочки сухаря размокнут.

Один за другим каждый получил свою порцию и все тут же принялись за еду. Свежий воздух, скачка в седле целый день и общая усталость как ничто более способствовали хорошему аппетиту. Сначала ели молча, дуя на горячее варево, обжигаясь и со свистом втягивая через рот прохладный вечерний воздух. Одновременно с не меньшим аппетитом поглощая выложенные на плащи куски колбасы и сыра. Но постепенно, по мере насыщения, ложки и челюсти двигались уже не так быстро, позы стали более расслабленными, в настроении появилось благодушие сытого человека. И над поляной потекли неспешные разговоры о житье-бытье, о про-

шлом и о том, что ждёт в будущем.

– Сержант, разрешите вопрос, – пользуясь моей расслабленностью, повернулся ко мне Дворянчик.

– Разрешаю, – благосклонно кивнул я, лениво ковыряясь веточкой в зубах.

– А правда, что вы к нам аж из самой столицы прибыли?

– Правда...

– А чего это вдруг для охраны границы прислали столичного человека? Или здешним доверия нет?

– Хм... Ну, про здешних – не знаю, мне о том никто ничего не говорил, – я невольно покосился на Браура. Однако тот лежал на спине, закинув руки за голову и прикрыв глаза. Меж зубами его меланхолично покачивалась сорванная тут же былинка. Казалось, его, погружённого в свои думы, мало интересовал наш разговор, – что же касается меня, то за двадцать лет своей службы я твёрдо усвоил одно: тебе приказали – иди и выполняй. Не рассуждая на тему «что и почему». Понятно?

– Понятно, – криво усмехнулся Дворянчик, – только вот на вопрос вы так и не ответили.

Парень, похоже, решил добиться своего. Я пристально посмотрел на него и, резко перейдя из полулежачего положения в сидячее, отбросил веточку в костёр.

– Ну вот что, вояки, – я решил, что некоторая доля откровенности с личным составом не повредит. А даже, наоборот, будет способствовать повышению моего авторитета. И, в ко-

нечном итоге, возрастанию доверия по отношению ко мне со стороны подчинённых. А я твёрдо уверен в том, что если солдат не доверяет своему командиру, нормальной службы от него не жди.

– Так вот, парни, – продолжил я, помолчав, – нам с вами вместе в горах два года жить, службу тащить. И кроме как на самих себя, надеяться нам больше будет не на кого. А потому хотелось бы прояснить некоторые моменты. Признайтесь честно: ходят разговоры по поводу моего изгнания из столичного полка?

– Ну, ходят, – после непродолжительного молчания нехотя признал Хорёк.

– Ходят, – кивнул я, – ну, вот и пусть ходят. Могу даже историю рассказать, как оно получилось.

– Расскажите, господин сержант, – попросил простодушный Одуванчик.

– Да молчи ты, – насмешливо бросил ему Грызун.

– А чего? Интересно же! – отозвался тот полушёпотом.

– Интересно ему... У человека, может, это трагедия всей жизни! Служил в столице, в гвардии лейб-полку. А тут на тебе – в глухомань, на границу! Вот и подумай, насколько ему это интересно, – вполголоса пробормотал Грызун.

– Я в столице всего пять лет прослужил, – спокойно ответил я, – а до того всё по гарнизонным полкам лямку тянул. И на границе в своё время восемь лет отбарабанил. Только не на восточной, как сейчас, а на западной.

– На западе? Здорово! Никогда там не был. Расскажите, как оно там, господин сержант, – отозвался Зелёный.

– Расскажу, как-нибудь, – я усмехнулся, – у нас теперь времени для общения много будет.

– Так, а за что же вас из столицы убрали? – вернул разговор в прежнее русло Дворянчик.

– Да... За дворяночку я там за одну заступился.

– Это как?

– Да вот так... Полгода назад появился у нас в полку молодой лейтенант, – начал я свой рассказ, – новенький. Прибыл из какого-то дальнего поместья для прохождения службы. У него папа был из видных офицеров в прошлом, вот и записал своего сына в Лейб-гвардии конно-пикиёрный ещё по малолетству. А когда пора пришла, отправил его в полк. А спустя пару месяцев приехала в столицу погостить и его сестра. Ну и, понятное дело, от скуки стала к брату на службу наведываться. Братика развлечь и самой чтоб не скучать. Девушка она сама по себе хорошая. Добрая, отзывчивая, общительная. И не гляди, что дворянка. Она и с солдатами рядовыми, и с сержантами, и с офицерами одинаково по-доброму обращалась. Но воли ни себе, ни кому другому не давала. Порядок, что называется, блюла. Вот.

Я помолчал, глядя на огонь и собираясь с мыслями. Солдаты, время от времени прихлёбывая травяной чай, ждали продолжения.

– Ну, так вот, – вновь заговорил я, – стали на неё, понят-

ное дело, многие из офицеров заглядываться. Но, опять же, в приличных правилах.

И был у нас в полку один капитан. Называть не буду, ни к чему это. Вояка он, конечно, был знатный. И дерзок, и смел, и хитёр. И из арбалета стрелял хорошо, и на мечях рубился, и наездник хороший... А вот как человек был он, скажем прямо, гниловат. Душа у него была корыстная, мелочная и подловатая. Его ни солдаты не любили, ни сержанты. Да и господа офицеры с ним на дистанции держались.

У меня вдруг запершило в горле. Наверное, дыма хватанул. Прокашлявшись и отпив пару глотков чая, я продолжил:

– И вот этот-то самый капитан и начал особо рьяно за сестрёнкой нашего лейтенанта ухаживать. Прямо-таки проходу ей не давал. Она уж, бедняжка, не знала, куда и деваться от него. Дошло до того, что уже и в полк почти престала захаживать. А тут случилось такое дело. Стоял наш лейтенант в наряде начальником караула. А было это в январе, в самую стужу. Да ещё и метель в ту ночь сильная приключилась. В общем, простыл лейтенант, пока посты все обходил с проверками. Службу кой-как достоял, наряд сдал да и свалился в лихорадке. Ну, сестрёнка, понятное дело, в полк примчалась, начала его выхаживать. Два дня от его постели не отходила, измаялась вся. На второй день, под вечер, как стемнело уже, иду я в полк из увольнения. Ну, понятное дело, погулял. Не то, чтоб уж пьяный... Но, чего греха таить, не без этого, – я выразительно похлопал себя пальцами по

горлу. Солдаты понимающе заушмылялись.

— Ну, вот... Иду, значит, вдоль забора каменного, что расположение полка ограждает. Дохожу до угла и слышу, за углом вроде как разговор какой. Прислушался. И по голосам слышу, как этот самый капитан уговаривает молодую барышню к нему на квартиру поехать. Ну, понятное дело, за чем. А та — ни в какую. И так и эдак его и стыдит, и совестит. А он всё одно: люблю, мол, поехали — и всё тут. Потом, слышу, она вроде как вскрикнула и замолкла. Я из-за угла выглядываю, а он ей рот зажал и уже к лошади своей тащит. Ну, думаю, пропала девка, выручать надо. Из-за угла выскакиваю и кричу: что это вы тут, мол, такое творите, господин капитан? Как вам не совестно дочь дворянскую и сестру офицерскую обижать? А он мне — пошёл вон, говорит, болван! Не твоё, мол, дело. А будешь много болтать, с гауптвахты у меня не вылезешь. Ну, меня тут зло и взяло. Ты, говорю, меня кичей-то не пугай! Я и не такое видал! А девку отпусти! Он тут как давай на меня орать. А сам её уж совсем к лошади своей подтащил. Думаю, всё, сейчас закинет её на хребет, сам прыгнет в седло, и — поминай, как звали. А там уж барышне ничто не поможет. Погубит он её... Ну, в общем, кинулся я к ним. Барышню у него из рук вырвал, в сторону оттолкнул и уже потом с ним сцепились. Только ведь господда, не в обиду тут некоторым будь сказано, — я как бы мельком, невзначай, насмешливо покосился на Дворянчика, — в кулачном-то бою по сравнению с нами, простыми солдатами,

ничего не смыслят. Будь у него меч в руках, может, и не сидел бы я тут сейчас с вами... А только не дал я ему меч достать. На кулачках бились. А в этом деле ему против меня ну никак не устоять было. Короче говоря, намял я ему бока, да и оставил возле лошади отлёживаться. А её под ручки и обратно в полк, в братнину комнату. «Сидите тут, – говорю, – до самого утра. И ни шагу за дверь». «А с вами-то, что будет, господин сержант?» – говорит. Вот даром, что молодая, а всё уже в жизни понимала. «А что ж, – говорю, – ничего и не будет. Вот сейчас пойду к командиру полка и всё, как было, доложу». «И я с вами» – говорит. «Да куда ж вы пойдёте? – говорю, – вам, вон, за братцем смотреть надобно. Глядите, его, никак, опять трясти начинает. Сидите уж с ним». В общем, отговорил я её. А сам к полковнику нашему на доклад отправился, – закончив рассказ, я замолчал. А что говорить? Всё, что нужно, сказано. Остальное и так понятно.

– И – что? – прервал затянувшееся молчание Дворянчик.

– Да ничего, – пожал я плечами, – разбирались долго... Капитана того, за то, что поступил бесчестно, в гарнизон какой-то отправили. А меня, за то, что руку на офицера и дворянина поднял, сюда. Границу охранять...

– Да, дела... – протянул один из сидевших в кругу возчиков, – так оно в жизни и бывает. Сто раз простой человек прав будет, а супротив господ не попрёшь...

– Да от женщин всегда одни беды, – махнул рукой Грызун и насмешливо покосился на Цыгана, – верно я говорю, Цы-

ган?

– Может и верно, – пожал тот плечами, перебирая струны гитары, – мне почём знать?

– Да ладно! Не зря же говорят, что тебя из-за бабы из табора выгнали!

– Кстати, Цыган, – поднял я на него глаза, – мне вот тоже интересно, чего это тебя в армию понесло? Ведь вы, цыгане, народ вольный. Живёте сами по себе, к порядку и дисциплине не приучены... Как же ты в полку оказался?

– Ай, сержант, – воскликнул Цыган, – верно ты говоришь! Мы, цыгане, народ вольный! Сами по себе живём. Свои законы, свои обычаи соблюдаем. Вот из-за них-то я и оказался из табора изгнан. Хотя, по правде сказать, и сам тоже виноват.

– Это как? – любопытствовал Одуванчик.

– Давай уж, Цыган, рассказывай, – прогудел Степняк, – всё одно – уже начал.

– А что? И расскажу, – Цыган уселся поудобнее, положил руки на гитару и, глядя в огонь, начал свой рассказ:

– Была у нас в таборе цыганочка одна... Ой, красивая! Молодая! Стройная! Весёлая!

Перебирая пальцами струны, Цыган вдруг запел высоким красивым голосом:

*– Ой нанэ-нанэ-э, Черноглазая!
Быстроглазая, Длиннокосая...*

Ой, цыганочка, дрожь сердечная...

И любовь ты чья-то навечная...

Резко оборвав мотив, он замолчал. Обвёл всех весёлым взглядом и продолжил:

– Вот какая была красивая!

– Любил ты её, наверное, – с завистью произнёс Зелёный, – а она тебя?

– Ну, как – любил, – пожал плечами Цыган, – нравилась она мне очень. Аж до дрожи нравилась. Да и я ей, похоже, тоже по сердцу пришёлся. Только вот не судьба была нам вместе быть. Обещал её отец барону нашему в жёны отдать?

– Какому барону? – не понял Полоз, – самому господину барону, что ли?

– Нет, – усмехаясь, помотал головой Цыган, – не тому барону, что в замке сидит. А тому, что с нами в кибитках ездит. Нашему таборному голове. Он ведь у нас тоже бароном называется.

– А! Понятно, – покивал Полоз.

– Ну, так вот... До свадьбы ихней месяц оставался. Повстречал я её как-то в поле за табором. Побродили мы с ней по полю, поговорили. И сами не заметили, как вместе в стоге сена оказались. Да там и заночевали.

– Здорово! – прищёлкнул языком Грызун, – цыганочки, говорят, девки горячие. И до любви страстные.

– Да, – нехотя согласился Цыган. Видно, не особо хотелось

ему обсуждать достоинства своей подружки с остальными.

– Ну, а дальше-то что было? – полюбопытствовал Хорёк.

– Да всё было бы хорошо. Если б не заметила нас той ночью карга одна старая. Пока мы в стогу миловались, она к барону-то и кинулась. В общем, взяли нас в том стогу барон с его слугами и приспешниками. Да и отец её там же оказался. Меня связали. Её – отцу кинули на вразумление. Барон меня прямо там прирезать хотел. Да на моё счастье там же был и кто-то из стариков таборных. Сказал, что меня сперва судить надобно. А уж потом, как круг решит, так и наказывать. Одним словом, жизнь он мне тогда спас. С тех пор я и хожу у него в должниках.

– И что же круг присудил? – поинтересовался сержант.

– А ничего, – пожал Цыган плечами.

– Как так?

– А так. Не успел. Сбежал я... Меня в яму посадили и караульного поставили. А только под самое утро слышу, наверху вроде как шум какой-то. Потом мне на голову верёвка падает. Подёргал – привязана. Вылез. Вокруг – никого. Рядом с ямой караульщик без сознания валяется. Ну, я верёвку-то смотал, с караульщика нож да плащ снял, ноги в руки и – ходу! По пути в баронский табун наведалься. Лучшего коня увёл! – не преминул похвастаться Цыган, – он и сейчас у меня под седлом ходит.

– Да, конь знатный, – улыбаясь, не удержался я от похвалы.

— А как нас гнали! — воскликнул Цыган, — какая погоня была! Да если б не конь, не сидел бы я тут с вами сейчас, не рассказывал бы свою историю, да не играл бы на гитаре! Я и песню про него придумал.

Цыган вновь тронул пальцами струны и запел:

*— Ай, ты, коник, ты мой коник,
Ты неси, неси меня!
А уйдём мы от погони,
Не забуду я тебя!*

*Будешь есть ты лишь пшеницу,
Сладкий клевер молодой,
Пить прохладную водицу
Купаный речной водой!*

— Любишь ты своего коня, — отметил Степняк.

— А ты бы не любил того, кто жизнь тебе спас?

— Пожалуй, что и так.

— Ну, как из табора ушёл, понятно, — продолжил я допрос, — а вот чего тебя в армию понесло? Почему в другой табор не пошёл?

— В какой другой? — невесело усмехнулся Цыган, — кто меня, изгоя, примет. Кто захочет себе лишнего врага наживать? И недели не прошло, как уже все цыгане в округе знали, что меня барон наш убить поклялся! Кто ж захочет с бароном ссориться? Вот и пришлось мне одному побродить. Да по-

дальше от тех мест, где наш табор кочует.

Цыган помолчал, глядя в огонь и беззвучно перебирая струны. Потом продолжил:

– А почему в армию пошёл?... Понимаешь, сержант, я ведь цыган. С детства в таборе жить привык. Не могу один! А тут шёл мимо полка, посмотрел через забор. И подумал: «Вот живут люди. Вместе живут.

Один хлеб едят, в одном месте спят, одно дело делают. Чем не табор?» Так я в полк и пришёл, сержант...

– Понятно... Ну, давайте-ка заканчивать разговоры, – я поднялся на ноги, – пора укладываться. Завтра с рассветом встаём. Зелёный, Полоз – вымыть всю посуду. Ночью в карауле поочерёдно: Дворянчик, Одуванчик, Грызун и Хорёк. Хорёк, утром перед подъёмом повесь котёл над костром. Воду для чая вскипяти. Всех поднимать с рассветом. Вопросы есть? Вопросов нет... Всё, через полчаса всем – спать. Цыган! С горном – ко мне!

Тяжело вздохнув, Цыган вытащил из седельной сумки на свет божий инструмент и уныло побрёл в мою сторону. Подойдя, встал по стойке смирно и глубоко трагичным голосом доложил:

– Господин сержант! Рядовой Цыган по вашему приказанию прибыл.

– Значит, слушай меня внимательно, парень. Сейчас мы с тобой разучим два сигнала, очень важных в нашей армейской жизни. Это «отбой» и «подъём». Усвоил?

Цыган вяло кивнул.

– Сначала – «подъём». Попробуй пропеть на трубе: «Вставай, вставай! Службу начинай!»

– Как это? – не понял мой будущий сигналист.

– Ну... Та-та-а, та-та-а! Та-та та-та-аа! – попытался я ему напеть.

Тяжело вздохнув, Цыган приложил мундштук к губам, и выдал столь визгливую и громкую какофонию звуков, что даже лошади, всхрапнув, шарахнулись в сторону.

Весь десяток покатился со смеху, отпуская в адрес Цыгана самые скабрёзные шуточки.

– Говорил же, что не умею я! – с отчаянием в голосе воскликнул он.

– Ничего, всё нормально, – постарался я утешить его, едва сдерживая ухмылку, – для первого раза даже неплохо. Давай ещё раз.

После второй попытки подал голос Грызун:

– Господин сержант! Давайте, лучше я его прирежу! Вам же спокойнее будет. А то от его трубы у нас все лошади разбегутся. Дальше пешком идти придётся...

– Помалкивай, – оборвал я его и повернулся к Цыгану, – продолжай.

Короче говоря, все полчаса, выделенные мной на подготовку ко сну, наш будущий маэстро армейского горна нещадно терзал и свой инструмент, и наши уши совершенно дикими звуками и переливами. Но понемногу у него начало полу-

чаться что-то более-менее сносное. Видимо, поняв, что я от него всё равно не отстану, Цыган начал стараться, с каждой пробой всё более и более приближаясь к требуемому звучанию.

Наконец, когда у него относительно сносно получились оба разучиваемых сигнала, я удовлетворённо кивнул и сказал:

– Всё. На сегодня можешь быть свободен. Завтра утром уже будешь играть «подъём».

– Цыган, – тут же послышался голос Хорька, – если ты завтра с первого же раза не сыграешь этот чёртов сигнал, как положено, я лично тебе этот горн в задницу запихаю! Может, тогда ты хоть что-нибудь сносное исполнишь.

К моменту окончания репетиции все уже окончательно уgomонились и разлеглись вокруг костра. Посуда была вымыта и сложена на повозку. Стреноженные кони паслись неподалёку, временами всхрапывая и ленивыми взмахами хвостов отгоняя надоедливых мошек. Да караульный, чтоб не заснуть, медленно прогуливался вокруг спящего лагеря. Время от времени он подходил к костру, чтоб подкинуть в огонь пару веток. Лесок ненадолго затих, пережидая тёмное время суток. Диких зверей в нём не водилось. Птицы же, ожидая рассвета, прикорнули в своих гнёздах и просто на ветках.

В положенное время Дворянчика сменил у костра Одуванчик. Благополучно отдежуривав свои часы, разбудил Гры-

зуна и завалился спать. Грызун, недовольно сопя, уселся перед костром, подкинул в пламя ветку потолще и – задумался. Только что ему снился сон. И не просто сон. В нём была женщина. И очень красивая, надо сказать! Вот только её лицо Грызун никак не мог уловить во сне. Что-то знакомое. Но кто это мог быть?... Он напрягал свои извилины так сильно, что, казалось, они сейчас распухнут и полезут из ушей. И вдруг!.. Он её увидел! Ну, конечно! Как же он сразу не смог её узнать!? Ведь это же Эллора! Подруга юности весёлой! Какая она стала красавица!

Девушка стояла перед ним совсем как живая. В том смысле, что она и сейчас, конечно, где-то жила... Вот только бывший вор уже давно потерял её след. С тех пор, как ему самому пришлось срочно сбежать из родного города после ограбления лавки известного во всей округе купца. Еле ноги тогда унёс. Правда и добыча была – что надо! Полгода тогда ни о чём не думал, жил на добытое в ту ночь. А потом деньги закончились, пришлось искать новую жертву. Так и покатилося. От одного к другому.

Казалось, Грызун сидел рядом с Эллорой и медленно, не торопясь рассказывал ей свою историю. Она же, слушая рассказ, ласково водила своей прохладной рукой по его небритой щеке, постепенно наклоняясь всё ближе и ближе. Вот она уже коснулась его губ своими мягкими, пахнущими травой губами. Вот добралась до шеи. Вот её рука плавно скользнула к его животу, нащупала пояс.

И в этот момент жёсткая петля захлестнула его горло, стягивая кадык и не давая глотнуть воздух. А прямо над головой, рвя перепонки, взревел знакомый голос:

– Подъём! Нападение! К оружию!!!

Удар ноги – и в затухающий костёр влетела целая охапка сухих веток. Пламя, обрадовавшись новой пище, взмыло к самому небу, рассыпая вокруг ворох искр. Грызун сквозь начавшее затуманиваться сознание успел увидеть вскочивших товарищей с мечами в руках. Сгрудившись на той стороне костра, они почему-то не спешили к нему на выручку, лишь нерешительно переглядываясь и топчась на месте. Последнее, что почувствовал теряющий сознание караульный, сильный удар в бок, отбросивший его к ногам сослуживцев.

– Что вы делаете, сержант? – воскликнул Дворянчик, – Вы же его убьёте.

Я, только что хорошим пинком отправивший им под ноги полузадушенного Грызуна, усмехнулся и, демонстративно смотав кусок шёлкового шнура, сунул его за пазуху. После этого внимательно осмотрел стоящих вокруг солдат и будничным, даже каким-то скучным голосом произнёс:

– Если ещё раз кто-нибудь заснёт на посту, душить не буду. Просто перережу горло... А сейчас – всем спать. Хорёк! Твоё время. И не забудь к подъёму воду для чая вскипятить.

И тут же улёгся, завернувшись в плащ и подсунув под голову седло. Сказать, что я сразу же уснул, будет большим преувеличением. Хотя со стороны это выглядело именно

так. Я даже всхрипнул пару раз для убедительности. На самом же деле, укрыв голову плащом, я чутко прислушивался ко всему, что происходило у меня за спиной. Моя правая рука лежала на рукояти обнажённого меча, а левая сжимала кинжал. Это был критический момент. Один из многих, через которые нам ещё предстояло пройти.

Воины постояли в нерешительности, помялись и, не глядя друг на друга и на хрипящего полузадушенного Грызуна, разошлись по своим местам.

– С-сука-а, – просипел отдышавшийся Грызун, держась за горло, – я его первый прирежу... Гадом буду – прирежу!

– Помалкивай, – посоветовал вполголоса Хорёк, – сам виноват. Нечего было спать.

– А ты мне рот не затыкай! Тоже в начальники рвёшься!?

– Если ты будешь и дальше орать, то я сержанта ждать не буду, – поднял голову Циркач, – сам тебе горло перережу. Не мешай спать!

– Ну, иди сюда, перережь, – просипел вор, – посмотрим...

– Слышь, Грызун, заткнись, а! – подал голос Степняк, – и так на сон времени не осталось. А ещё ты тут хрипишь.

Грызун метнул на него злобный взгляд, подумал, но сказать что-либо не решился. Не возникло желание связываться с кузнечным подмастерьем. Видимо, почувствовав, что сейчас он не получит от сослуживцев ни поддержки, ни сочувствия, Грызун улёгся на своё место и с головой укрылся одеялом. Так и уснули.

«Сука!.. Я этого придурочного сержанта на месте был готов пришить!.. Это ж на. до было мне такой облом устроить... Мало того, что как шныря последнего заставил на плацу шелуху собирать. (И ведь знал, гад, на чём зацепить: на увольнении из полка! Мне ну никак нельзя сейчас из армии! По мне ведь прокурорские так и плачут. Давно уже либо петлю намылили, либо топор наточили.) Так ещё и ночью чуть не придушил! Я так и думал, что встану, как все уснут... да полосну ему ножичком по горлышку. Да только, по правде говоря, шугнулся я малость. И он мог не спать, и Хорёк этот мог меня зацепить. А если б не успел я десятника порешить, он бы меня тогда уж точно сам приговорил бы. И до прокурорских бы не добрались... Потому и решил я обождать маленько. А там уж – какая кость выпадет...»

Утром все поднялись хмурые, не выспавшиеся. Цыган сыграл «подъём» вяло, «без души». Никто из отряда на него даже не прореагировал. Как-то сумрачно, молча, поели, оседлали лошадей. Молча тронулись в путь. Грызун ехал мрачный, ни на кого не глядел, уставившись в луку седла и время от времени потирая горло, на котором виднелся яркий след от петли. Остальные старались в его сторону не смотреть. Цыган начал было по привычке что-то наигрывать на гитаре, но, поймав на себе пару недовольных взглядов, закинул её за спину.

Я ехал, привычно поглядывая по сторонам и обдумывая утренний разговор с Брауром.

Отмахиваясь веточкой от непрестанно зудящих вокруг комаров, он подошёл ко мне перед самым отъездом. Постоял немного, легко помахивая веточкой и поглядывая по сторонам. Потом, чуть кашлянув, произнёс:

- Сложно с ними будет, сержант.
- Ничего, – хмыкнул я, – обтешутся...
- Хотелось бы пожелать вам удачи...
- Пожелай.
- На пару слов бы, сержант, – скосил он глаза в сторону.

Я кивнул. Отойдя за росший неподалёку раскидистый куст рябины, я повернулся к нему лицом:

- Говори.
- Приказано тебе передать, – негромко заговорил он, осторожно бросая быстрые взгляды по сторонам, – с той стороны придёт человек. Очень важный! Когда – неизвестно. При его появлении оказывать ему всяческое содействие. И незамедлительно отправить прямиком в столицу. Если будет необходимо – выделить сопровождение.

- Как я его узнаю?
- Было сказано – узнаешь. Не ошибёшься.
- Это всё?
- Да, – чуть заметно кивнул он.
- Ладно... Ты куда теперь?
- Проеду с вами ещё пару миль. Потом отстану и сверну в сторону. Я же еду навестить давнего знакомого, – хмыкнув, напомнил он.

– Понятно. Ладно, пошли. Пора отправляться.

Когда мы присоединились к остальным, я заметил настроженный и внимательный взгляд, брошенный в нашу сторону Дворянчиком. Не заостряя на этом своего внимания, я сей факт всё же отметил и запомнил...

Выехав из леса на дорогу, двинулись дальше на восток, к ясно прорисовывавшимся на фоне светлеющего неба горам. Вскоре совсем уже рассвело и за горными хребтами начало медленно подниматься дневное светило. Но даже оно не прибавило бойцам веселья.

В общем, ребятки скисли. Надо было как-то поднимать настроение. Но ничего путного мне пока в голову не приходило. В поисках идеи я вертел головой по сторонам, как вдруг...

– А что, Зелёный, – полуобернулся я в седле, – ты из лука хорошо стреляешь?

– Отец хвалил, – не глядя на меня, с натугой в голосе ответил тот.

– А в зайца за сколько шагов попадаешь?

– Ну, ежели смирно сидит, то шагов за восемьдесят. А ежели скачет, то примерно с пятидесяти...

– А это с седла или с земли? – продолжал я опрос.

Остальные, заинтересовавшись разговором, стали подтягиваться поближе.

– Не... С седла – не знаю, – протянул Зелёный, – с седла я не стрелял. Только с ног. Или – с приседа.

– Ну, так попробуй. Вот и узнаешь. Да и мы заодно поглядим, каков ты стрелок!

– А куда стрелять-то, – завертел головой Зелёный.

– Так в зайца и стреляй! Вон, видишь, у камня сидит, – я указал рукояткой плети вправо.

Зелёный, повернув голову в указанном направлении, прищурился. Увидев косого, спокойно жевавшего траву, прищурил глаза, усмехнулся, кивнул и потянулся к налучи, припороченной к седлу за спиной. Остановив коня, он достал лук и, накинув на него тетиву, вынул из колчана стрелу. Потом прикинул расстояние, с сомнением качнул головой. Конь, почувствовав короткий тычок пятками, шагом двинулся вправо, по направлению к ничего не подозревающему косому.

– Ну, да! Ты ещё вплотную к нему подъедь! – язвительно бросил Дворянчик.

Зелёный, не реагируя на реплику, проехал ещё несколько шагов, остановил коня и медленно поднял лук, натягивая тетиву. Изгибаясь, лук тихо скрипнул, на короткое мгновение замер и, звонко щёлкнув, распрямился. Стрела, резко брошенная вперёд тетивой, освобождённой из зацепа крепких молодых пальцев, рванулась вперёд. Заяц, привлечённый странным звуком, вскинул голову, поводя ушами. Короткий свист, удар. И нанизанный на длинную стрелу длинноухий, издавая предсмертный визг, покатился по траве.

Зелёный, не оглядываясь на товарищей, с места бросил

коня в галоп, направляясь к подстреленной добыче. Заяц уже не видел, как подбежал к нему конь, как молодой всадник, прыгнув с седла, вынул из пробитого бока стрелу и, обтерев её от крови, убрал обратно в колчан. И не почувствовал, как его взяли за уши и сунули в седельную сумку. Его путь в этом мире был уже окончен.

– Хороший выстрел, – не преминул похвалить я подъехавшего охотника, – теперь нужно научиться так же бить с ходу, не останавливая коня. И расстояние чтоб побольше было. Научишься?

– Постараюсь, – улыбнулся тот, явно довольный похвалой, – господин сержант, разрешите, я зайца сейчас освежую. А то ведь мы опять целый день в седле будем. Боюсь, как бы не пропал.

– Оставайся, – кивнул я, – только смотри, не долго. И сразу – догоняй!

– Да тут делов-то... Шкуру содрать, внутренности вынуть, да солью натереть. Полчаса, не больше!

– Хорошо. Остальные – за мной! Ходу!

Я ожёг плёткой коня и, лихо свистнув, рванул вперёд по дороге размашистым галопом. Остальные, свистя и размахивая плётками, припустили следом.

Возницы, помня о темпе марша, заданном мной ещё вчера, на время охоты повозки свои не останавливали, стараясь как можно дальше уехать вперёд. Пусть уж лучше верховые их догоняют, чем повозки будут на скором ходу трястись по

дорожным рытвинам и ухабам.

Так и случилось. Всадники, сильно отставшие от обоза, пока Зелёный охотился на зайца, быстро догнали повозки, обошли и умчались вперёд. Пришлось и возчиком прихлестнуть своих лошадей, чтобы те прибавили ходу. Проскакав ещё с полмили, мы придержали коней, постепенно перейдя на шаг. Вскоре весь отряд вновь объединился, продолжая дальнейшее движение уже спорой рысью. А спустя ещё час нас нагнал и поотставший было Зелёный. Заметив его, я взмахом руки указал на место в строю и поинтересовался:

– Как заяц?

– Порядок, – улыбнулся Зелёный и похлопал по седельной сумке, – здесь лежит, ужина дожидается. А из шкуры я себе шапку на зиму сошью, – не преминул добавить он.

Охота Зелёного, его удачный выстрел и последовавшая за этим скачка явно подняли людям настроение. Ну, ещё бы! Какой же настоящий мужчина сможет оставаться равнодушным к успехам других в таких истинно мужских делах!? Воины были оживлены, слышались шутки, смех. Цыган опять что-то наигрывал на гитаре, подпевая высоким, чистым голосом. Даже Грызун перестал бросать по сторонам мрачные взгляды и приободрился.

Спустя некоторое время Браур попрощался с нами и свернув на едва заметную просёлочную дорогу, пустился по ней вскачь. Парни мои, разгорячённые быстрой ездой, бурно пожелали ему счастливого пути и помахали руками. И лишь

Дворянчик, дёрнув уголком рта, отвернулся...

Ещё через пару часов пути отряд приблизился к горным отрогам, вздымавшимся по самой границе королевства и прикрывавших его от сухих восточных ветров. Там же, в этих горах, скрывались и многочисленные полудикие племена горцев, совершавших периодические налёты на приграничные селения подданных Его величества. Это были ещё не сами горы, а лишь предгорья, постепенно поднимавшиеся к скалистым хребтам. Где-то там, впереди, находилась и конечная цель нашего путешествия: небольшое плато с перевалом через хребет, уходящим дальше на восток. И задача была мне поставлена именно там оборудовать наблюдательный пост.

Дорога вилась среди склонов, покрытых уже начавшей подсыхать травой, жёлто-зелёным ковром устилавшей землю. Временами то на одном склоне, то на другом виднелись рощицы из дикого орешника, арчи, кустов барбариса и шиповника. Высоко в небе парил орёл, высматривая добычу.

Заметив небольшой родник, пробивавшийся среди камней, я скомандовал остановку.

– Коней напоим, и – дальше, – пояснил я своим подчинённым.

Пользуясь короткой передышкой, парни наскоро перекусили вяленным мясом с хлебом, запивая скудный обед холодной горной водой. Едва только все кони были напоены, как я тут же прыгнул в седло, скомандовав продолжение движе-

ния.

К вечеру дорога привела отряд ко входу в узкое и извилистое ущелье. Его отвесные стены уходили высоко вверх, создавая ощущение холодной тяжести, нависающей над путниками. По дну ущелья протекала маленькая неширокая речушка с холодной и чистой, как слеза водой. Как сказал мне один из возчиков, местные жители такие речки называют «сай». Вода в них берётся с горных ледников, таящих летом под жаркими солнечными лучами. И вновь пополняющих свои ледяные запасы в студёные зимние месяцы. Вправо и влево от ущелья тянулись практически неприступные отвесные стены горного плато, возвышавшегося над долиной на добрую сотню саженей. Насколько мне было известно, другой дороги, кроме как по ущелью, на плато не было. А возчик рассказал нам местную легенду о том, что давным-давно именно на этом плато нашёл своё последнее пристанище повелитель этих земель, правивший тут до того, как страну покорила новая династия. И никто так и не смог взять это плато штурмом до тех пор, пока сам правитель не умер от раны, полученной в бою. Остатки его войска, по слухам, ушли через перевал в восточные горы. И с тех пор о них, что называется, ни слуху, ни духу. С тех пор прошло не менее полутора столетий, а вот, гляди ж ты, легенда до сих пор жива.

Справа от сая, в полумиле, виднелась деревенька из двух десятков домов, окружённая огородами и вспаханнами полями, покрытыми зеленеющими всходами. Рядом с ней воз-

вышались сложенные из грубого камня стены какого-то старого укрепления. И судя по некоторым признакам, ещё использовавшееся по своему прямому назначению. Но я туда не повёл свой отряд преднамеренно. Решил, что пусть сразу привыкают к походной жизни. По любому – пригодится.

Кстати, майор своё обещание насчёт проводника выполнил не полностью. Из всего отряда только возчик, рассказавший нам местную легенду, и имел довольно смутное представление о данной местности. Бывал тут как-то проездом пару лет назад. Так что полагаться приходилось лишь на некое подобие карты, раздобытой для меня капралом Горши в недрах полкового архива. Довольно скудной, надо сказать, карты, больше похожей на детские каракули, чем на военный документ.

– Остановимся здесь, – решил я, глядя на бегущую по камням воду сая, – на ночь глядя в ущелье лезть ни к чему.

Дальше пошли обычные распоряжения по разбивке лагеря, заготовке дров и воды и приготовлению ужина.

Пока занимались обустройством лагеря, от крепостцы примчалась пятёрка конных под командованием старого седоусого сержанта. Спешившись, он быстрым взглядом окинул весь наш отряд и выделив намётанным глазом меня, подошёл.

– Сержант Клариган, – представился он мне, – начальник местного поста наблюдения. Кто такие? Куда путь держите?

Я представился в ответ, объяснил, кто мы и откуда, пока-

зал предписание на организацию пограничного поста и дорожные на всех. Ознакомившись с бумагами, старый сержант заметно смягчился и присел со мной к разгоревшемуся костру. Сопровождающих своих он взмахом руки отправил обратно.

Разговорились. Клариган рассказал, что уже пять лет, как должен был выйти на пенсию по выслуге лет. Но у него в соседней деревеньке уже давно семья, дети, своё хозяйство. Можно было бы и уйти, да только на одном огороде не проживёшь. А так сержантский оклад очень даже хорошо семью поддерживают.

— У меня тут два десятка конных пикинёров, — не спеша излагал он, — так из них, кроме меня, ещё двенадцать свой срок уж повыслужили. Да только служба здесь спокойная. И от начальства далеко, и разбойного люда нету. Нечего тут разбойникам делать. Ну, уйдёшь ты, к примеру, со службы. А куда подашься? Почитай, жисть свою заново начинать надо. Нет... мы уж лучше тут дослуживать будем...

Пользуясь случаем, я расспросил сержанта о дороге на плато. Показал свою горе-карту. Старик, хмыкнув, попросил карандаш и, кое-что подправив и пририсовав недостающее на листке бумаги, короткими стрелочками изобразил предстоящий нам путь и пояснил, как лучше выбраться на плато и где искать имеющуюся там деревню.

Пока мы разговаривали, Зелёный зажарил подстреленного утром зайца. Добавив к нему хлеба, сыра и овощей, по-

ужинали, запивая травяным чаем. После чего старый сержант распрощался с нами, пожелал спокойной ночи и счастливого пути и отбыл обратно в свою крепость. От провожаемых отказался, сказав, что места тут тихие, дорогу он знает и ехать недалеко. На том и расстались.

Ночь и в самом деле прошла спокойно. Все отлично помнили как о том, что случилось на предыдущей стоянке, так и о том, что пообещал сделать сержант в случае ненадлежащего исполнения часовыми своих обязанностей. И судя по всему, ни у кого ни на миг не возникло сомнений в том, что если уж я чего пообещал, то исполню обязательно. Что не могло не льстить моему самолюбию. Кстати, эти же соображения позволили мне проспять всю ночь спокойно, даже не поднимая головы. По крайней мере, так думали все остальные.

Утром, когда после завтрака и укладки все расселись по сёдлам, я бросил на Цыгана с гитарой короткий взгляд:

– Убери...

– А почему? – сунулся с вопросом Одуванчик.

Я на него даже не взглянул, не считая нужным объяснять очевидные вещи.

– А потому, – внушительно ответил Хорёк, – тише едешь, целее будешь. В горах эхо громкое. И звуки далеко разносятся. Так что, помалкивай.

Одуванчик, сделав умное выражение лица, мол, «всё понял», отъехал в сторону. Цыган, выслушав Хорька, ни слова не говоря, закинул гитару за спину.

Не смотря на то, что сержант Клариган говорил о спокойствии в здешних горах, в ущелье входили со всеми предосторожностями, разбившись на три группы. Впереди, шагов на пятьдесят, Хорёк, Дворянчик и Зелёный. В центре, в сопровождении меня и остальных, шёл обоз. Позади, тоже в полусотне шагов, ехали Полоз и Степняк.

Проезжая меж отвесных склонов, стиснувших каменистую дорогу с двух сторон, мы настороженно оглядывали каждый камень, каждую расщелину, каждый куст. В любом месте могла оказаться засада. Откуда угодно могла прилететь стрела или болт, выпущенный из арбалета. А мог и просто свалиться на дорогу камень. И не поймёшь: то ли подмытый дождями, то ли сброшенный умелой рукой.

Честно говоря, это я больше нагнетал обстановку всяческими страшилками, заставляя парней чувствовать себя как на войне. На самом же деле я склонен был допустить, что на данном отрезке пути, как и обещал сержант, особой опасности не предвиделось. Но остальным это знать ни к чему. Пускай поучатся марши по вражеской территории проходить. В жизни пригодится...

Ущелье тянулось почти по прямой, лишь местами делая плавные изгибы и повороты. Отряду приходилось всё время переходить с одного берега неглубокого, но быстрого сая на другой, следуя изгибам тропы, столь узкой и каменистой, что язык не поворачивался назвать её дорогой.

За одним из очередных изгибов ущелья тропа стала заби-

рать наверх и правее, на его склон, становившийся всё более пологим по мере продвижения отряда. Речушка на дне ущелья уходила всё ниже, а шум от бегущей по камням воды делался всё глуше. Ещё полдня понадобилось на то, чтобы, постепенно уходя вверх по дороге, густо поросшей по бокам кустарником, выбраться из глубокого ущелья. Наконец, далеко за полдень, расширившаяся до приемлемых размеров тропа, вывела отряд на горную долину, раскинувшуюся по обоим краям ущелья на несколько миль.

Выехав на свободное место, я с явным облегчением перевёл дух и огляделся по сторонам.

– Стой! – поднял я руку, – короткий привал. Всем осмотреться, поправить снаряжение. Возчики! Осмотреть поклажу и телеги. Ничего там не растрясло? Что нужно, поправить.

После короткой передышки отряд вновь тронулся в путь, уходя всё дальше на восток.

– Господин сержант, разрешите обратиться, – подъехал сбоку Циркач.

– Разрешаю.

– А как долго мы ещё будем ехать?

– А что такое? Задницу отсидел? Или приспичило?

– Да нет... Просто хотелось бы знать, как долго ещё...

– Пока не доедем до деревушки, что должна быть где-то здесь. А там я уточню дорогу у местного старосты. Вот тогда мы уже точно будем знать, сколько ещё нам ехать.

– Понятно... Благодарю Вас, господин сержант, – Циркач подчёркнуто вежливо поднёс руку к своему шлему и отъехал в сторону.

Я столь же вежливо кивнул и отвернулся. «Можно подумать, я знаю, сколько нам ещё до этой деревеньки добираться, – пронеслось у меня в голове, – как доедем, так доедем».

Но воин не должен даже подозревать о сомнениях своего командира! В его глазах командир должен выглядеть непрекаемым авторитетом, знающим всё на свете и обо всём! Вот и не будем развеивать этот миф...

Спустя час от ехавшего впереди дозора прибыл с докладом Дворянчик. В паре миль прямо по курсу виднелось село, обнесённое невысоким земляным валом с каменной кладкой поверху. Вероятно, это и была та самая деревенька, которую мы намеревались обнаружить в этих краях.

– Вероятно, так и есть, – согласился я с предположением посыльного, – едем туда. Эй, обоз! Пошевеливайтесь! Мы уже почти прибыли!

Для пограничного посёлка деревенька была довольно внушительных размеров. Около двух сотен домов, трактир с несколькими гостевыми комнатами, лавка с продуктами и всякой хозяйственной мелочью, храм. Намного в стороне виднелась кузница. Почти все строения были сложены из местного камня, водившегося тут, судя по всему, в изобилии. Даже заборы были выложены из него же.

Земляной вал, окружавший посёлок, был высотой все-

го-то сажени три. Да по верху шёл каменный забор, взрослому человеку по грудь. Вот и вся защита. Ворота, правда, были крепкие. Сбитые из расщеплённых вдоль двадцатидюймовых брёвен, скрепленных металлическими полосами, они являли собой довольно серьёзную преграду для штурмующих, буде такие появятся. Сейчас они были распахнуты настежь и никем не охранялись. «Понятное дело – деревня» – неодобрительно и скорее по привычке, отметил я.

Оставив отряд в трактире отдохнуть и подкрепиться с дороги, я разузнал у трактирщика, где именно находится дом деревенского старосты и направился к нему.

Староста оказался мужичком невысоким, сухощавым, лет под шестьдесят с полуседыми волосами до плеч. Глаза у него были умные и смотрел он внимательно. Мне он сразу же понравился. С умным человеком и разговаривать приятно. При знакомстве староста назвался Будиром. Я назвал себя. Так и познакомились. Разговаривали у старосты в доме, в большой комнате, сидя за столом и попивая местное пиво с вяленой рыбой, деревенским хлебом и зажаренными орешками.

– Значит, говоришь, пост у нас ставить будете? – староста в разговоре, не чинясь, сразу перешёл «на ты». Ну, а я и не возражал.

– Ну, не совсем у вас... Дальше к перевалу. Чтоб и ту сторону хребта видеть. Есть там такое подходящее место?

– Есть, – кивнул староста, – я тебе проводника дам. Он покажет. Думаю, место тебе понравится.

Посидели, помолчали. Хлебнули ещё пива. Закусили рыбкой.

– Откуда здесь рыба-то? – поинтересовался я.

– А там, если вправо от посёлка уйти, час ходу, речушка с гор стекает. Поглубже той, что в ущелье течёт. Да и пошире раз в несколько. Вот там и берём...

– Понятно... А что, горцы сильно озоруют?

– Бывает, – вздохнул староста, – но у них так... По сезонам. В основном – осенью, как урожай соберём. Ну, и зимой тоже, бывает, наведываются.

– Как отбиваетесь?

– Да это уж как придётся... Их ведь, чем раньше заметишь, тем лучше подготовишься. Теперь вот вы за ними приглядывать будете. Всё нам легче.

– А караула у ворот нет, – как бы невзначай заметил я.

– А сейчас и не надо, – отмахнулся староста, – им сейчас и приходить-то незачем. Сами прошлогоднее доедаем. А они добычей в горах кормятся.

– Понятно... Ну, что ж. Тогда давай в дружбе жить. Вот за то и выпьем! – поднял я кружку с пивом.

– А чего ж за дружбу-то не выпить, – охотно согласился староста, – за дружбу – это святое дело!

Чокнулись, выпили, закусили.

– А живёте чем? – поинтересовался я.

– А кто чем, – охотно отозвался староста, – кто поле пашет, кто скотинку разную да птицу выращивает. И пчёлки

имеются. Луга здесь хорошие, горные, медоносные. Опять же, храм Единого и Всевышнего. Со своим жрецом, понятное дело. И даже торговая семья имеется. Они когда-нито и к горцам по торговым делам хаживают.

– И не боятся? – удивился я.

– А чего им бояться? Их горцы не трогают. Потому как купцы им товары нужные привозят. А пограбишь их один раз, больше вообще никто не придёт. Вот и сиди там, в горах, сам себе господином...

– Понятно, – кивнул я, – ну, спасибо тебе, Будир, за хороший приём, за разговор душевный. Пойду я. Давай своего проводника. Дальше поедем.

– Да куда ж ты, на ночь-то глядя? Тебе с обозом твоим туда часа два ещё добираться. Да пока там устраиваться будете... А у нас в горах темнеет быстро. Лучше уж вы у нас ночуйте. А завтра с утра и поедете. Куда тебе спешить? Чай, не на пожар.

Я почесал в затылке (соображение было вполне резонным), подумал и согласно кивнул.

– И то верно. Останемся у вас до утра. Передохнём, баньку примем. Банька-то у вас есть? А то мы, почитай, третий день в седле.

– А как же! – развёл руками староста, – у нас в каждом дворе своя баня. Будет вам и где помыться, и где угоститься.

– Ну, вот и отлично! – настроение у меня заметно повысилось, – пойду к своим, порадую.

– Пойди, порадуй, – согласился Будир, – а мы тут пока всё подготовим.

На подходе к таверне моё внимание привлёк сильный шум, долетавший из помещения через раскрытое окно. Явно были слышны отдельные недовольные выкрики и ругань. Почуввав неладное, я ускорил шаг и, одним прыжком взлетев по ступеням крыльца, рывком распахнул дверь. В нос тут же пахнуло запахом жареного мяса, чесночной похлёбки, пивным духом и ещё какими-то травами. А уши резанул чей-то отчаянный крик:

– Давай его сюда! А то всех перебьём!

И знакомый голос Грызуна в ответ:

– Пасть закрой, гнида! Оботрешься!

У дальнего стола, полукругом, стояли мои орёлики с мечами наголо. Обступив их со всех сторон, бушевала подвыпившая толпа, вооружённая кто чем ни попадя. Бушевать-то бушевали, но вперёд не лезли. Всё ж таки воины перед ними, не горцы полудикие. Кто знает, чем это всё обернётся.

– Отставить! – рявкнул я так, что на мгновение в таверне повисла звенящая тишина.

Пользуясь моментом, я вломился плечом в толпу местных мужиков и, растолкав их в стороны, через минуту оказался между ними и ошетилившимся десятком. С некоторым удовольствием для себя отметил, что тут же находились и оба обозных, вооружённых длинными ножами. Молодцы мужики, не бросили моих пацанов.

– Ну, и что тут происходит? – поинтересовался я, уперев руки в боки и оглядываясь по сторонам, – кто объяснит?

– А ты сам-то кто таков будешь? – послышался чей-то голос, – командует тут.

– А я и есть их командир, – охотно отозвался я, – сержант Лейб-гвардии Его королевского величества Конно-пикинёрного полка.

Ну, тут я, конечно, маленько загнул. Всё ж таки, по чести говоря, меня из полка уже с полмесяца, как отослали. Но местному населению такие тонкости знать не обязательно. Зато мне весу в их глазах прибавит.

– А Вы тоже хороши, – обернулся я к своим, – чуть что, сразу за мечи хватаетесь. Не могли простым мордобоем обойтись? Тоже мне, нашли себе противников, – с некоторым пренебрежением добавил я.

Само собой, всё вышесказанное предназначалось вовсе не для моих разгильдяев, а для местных мужиков, тесным кругом обступивших нас и чутко прислушивавшихся к каждому моему слову. Похоже, моя последняя фраза несколько смутила мужичков. Всё ж таки, что не говори, а перед ними десяток солдат армии Его королевского величества. Кто его знает, на что они способны.

– Не нравится тебе мой солдат, сам суд не чини! – продолжил я между тем, обращаясь уже напрямую к местным, – подойди ко мне, я разберусь. Виноватого накажу. У меня на то и сила, и власть имеется! А у тебя эта власть есть?

– А мы тут сами себе власть! – отозвался крикун, – сами правим, сами судим! Верно, народ?

– Что ты сказал? – прищурился я, – сам себе власть? Может, тебе и Его монаршее Величество не указ? Уж не шпион ли ты вражий, народ мутить подосланный? Отвечай!

Мужичок, понявший, что стгоряча сболтнул лишнее, поспешил от греха подальше скрыться за соседскими спинами.

– Ты, мил человек, не шуми, – примирительно прогудел в бороду высокий и дородный мужик, – у нас тут лазутчиков вражых нету. Мы все друг дружку давно знаем. Ну, брякнул дурак не подумавши... С кем не бывает!? А вот ежели ты и впрямь их командир, то уж и рассуди по чести. Что б, значит, и народ не в обиде, и твоим наука...

– Так, понятно, – обвёл я взглядом всю толпу, – тогда, для начала, все разошлись! Говорить только с тобой буду. Остальные молчат и в разговор не лезут! А вы, – я повернулся к своим, – мечи – в ножны.

– Ага! Сейчас! – оскалился Грызун, – я такие дела знаю. Только спрячь перо, тут же на куски порвут...

– Ты что, не понял? – прошипел я, разворачиваясь к вору всем корпусом, – по-другому объяснить?...

Грызун глянул в мои наливающиеся чёрным туманом глаза, затравленно бросил короткий взгляд по сторонам и через силу, ломая себя, медленно всунул меч в ножны. Потом судорожно выдохнул и рухнул своим тощим задом на скамейку, стоявшую за спиной. Остальные, настороженно косясь на

не утихомирившихся до сих пор селян, последовали его примеру.

Дождавшись, когда приказ будет выполнен, я повернулся к дородному мужику, во взгляде которого теперь читалось явное уважение.

– Тебя как звать?

– Гролон я, торговыми делами тут занимаюсь...

– А меня можешь называть сержант Грак Ну, давай, присаживайся, Гролон. Рассказывай, что тут приключилось, пока я с вашим старостой общался.

Я присел за стол и указал мужику на скамью напротив себя. Тот, отложив в сторону крепкую палку, которую до того держал в руках, оглядел всех присутствующих, огладил бороду и степенно уселся на предложенное место.

– Тут, видишь, какое дело, сержант, – начал он, поймав на себе мой вопросительный взгляд, – ты бы укоротил руки-то своим воинам... И тебе беспокойства меньше, и нам – спокойнее.

– Что именно ты имеешь в виду, уважаемый Гролон? Подробнее, пожалуйста, – в деревнях надо быть особенно вежливым. У деревенского люда почему-то особо ранимое самолюбие. А уж здесь-то, на границе, с их вольностью и привычкой к постоянно нависающей из-за горного хребта опасности, тем более. Мои обормоты, судя по всему, не знали этих тонкостей, вот и вляпались в историю.

– Да вот этот твой, не в обиду будь сказано, франт уса-

тый, – рассказчик махнул левой кистью в сторону Дворянчика, – не успел с седла соскочить, а уж под подол к уважаемой девице залезть пытается. А она не служанка какая-нибудь, самого господина трактирщика дочка. С ней тут никто себе таких вольностей не позволяет!

– Понятно, – качнул я головой, – с одной стороны, меня, как его командира, сей факт радует. Значит, не всё хозяйство он себе об седло отбил, коль на девок тянет! Верно? – и гулко захохотал. Кое-кто в толпе, оценив столь незамысловатую шутку грубого вояки, хохотнул, кто-то откровенно заржал. Сам Гролон, хмыкнув, прикрыл рот рукой. Дворянчик, дёрнув скулами, промолчал.

– С другой стороны, – продолжал я между тем, – честь девичью, конечно, блюсти и охранять надо. Да только ведь не такой уж и страшный грех совершил мой воин, девку пощупав, чтоб его сразу на расправу волочь... Иль не так?

– Так то ещё не всё, – прогудел Гролон, уже гораздо благодуще после моей шутки, – он потом и на народ лаяться начал.

– Слышь! Ты за языком-то следи! Я тебе не пёс, чтоб брехать! – вскочил с лавки Дворянчик.

Мужики вновь недовольно загудели, но тут же смолкли, остановленные взмахом руки Гролона.

– Сядь, – я тоже не упустил возможность проявить свою власть, – и не лезь в разговор.

Дворянчик открыл было рот, желая возразить, однако был

тут же усажен на место сильной рукой Степняка. А чтобы он не попытался вскочить ещё раз, бывший кузнечный подмастерье положил ему на плечи свою тяжёлую руку, слегка придавив шею.

– Объясни, – предложил я Гролону, когда порядок вновь был восстановлен.

– Он когда девушку в углу прижал, она вырвалась. И к отцу побежала. Да тот уже и сам всё видел. И замечание твоему воину сделал. Мол, негоже воинам короля достойных девиц обижать. А воин твой так грубо отцу девушки ответил, что тут уж и другие, кто в трактире были, не стерпели. И принялись стыдить его и к совести его взывать... Он же, вместо того, чтоб голосам народным внять и совесть свою послушать, отвечать стал ругательно и обзываться по-всякому. Словами всякими нехорошими.

– Дворянчик! Что скажешь? – повернул я голову, жестом прервав рассказчика.

– Подумаешь, девку потискал, – пробурчал тот, – да она радоваться должна и Бога благодарить, что такой дворянин, как я, на неё внимание обратил!

– А людям чего грубил?

– Да это хамьё совсем нюх потеряло! Не видят, с кем разговаривают...

– Так, замолкни, – резко оборвал я его. Позволить ему продолжать означало неминуемо вновь распалить уже вроде бы уgomонившихся мужиков, – всё понятно. А скажи мне,

уважаемый Гролон, могу я на ту девицу взглянуть, из-за которой вся эта каша заварилась?

– Отчего нельзя? – пожал тот плечами и повернулся к стойке, – Эй, Ста-каш! Где там дочка твоя? Пусть выйдет, господину сержанту покажется!

Врезанная в стену за трактирной стойкой дверь тут же распахнулась и из неё выпорхнула бойкая темноволосая девица лет пятнадцати с озорными чёрными глазками, тугой грудью, обтянутой тесным платьем с глубоким вырезом, и с длинными ногами, прикрытыми шёлковой юбкой ниже колен. Замерев на секунду и явно красуясь, она повела миндальными глазками по сторонам и, покачивая бёдрами, плавной походкой направилась к столу, за которым сидели договаривающиеся стороны. Остановившись в паре шагов от стола, она склонила голову набок и немного напевно произнесла:

– Звали, господин сержант? Чего изволите?

Я, оглядев её, хмыкнул и покосился на Дворянчика. Тот отвёл глаза в сторону, стараясь не смотреть на девицу. Да и весь остальной десяток водил глазами куда угодно, только не в направлении дочки трактирщика. М-да.

– Ну, а ты что скажешь? – повернулся я к девушке, – сильно ли тебя мой воин обидел?

Однако, судя по тому, как независимо она держалась и постреливала глазками по сторонам, столь вольное поведение нахального солдата должно было ей только импонировать.

– Да не принято у нас тут такое, господин сержант, – игриво повела плечиками девушка, – ни к чему и начинать?...
– Я не о том. Как ты считаешь: настолько ли нестерпимую обиду он тебе нанёс, чтоб под суд его отдавать?

– Ну чего ж сразу под суд? – растерянно замигала девушка, – поругайте его, наставьте на путь праведный, чтоб неповадно было... А под суд зачем же?

– Он не монах, что на путь праведный его наставлять, – не удержался я от ухмылки, – в общем, у тебя к нему особых претензий нет. Хорошо. Присядь пока где-нибудь... Эй, трактирщик! Как там тебя?... Стакаш!? Ну-ка, пойді сюда, – помахал я рукой.

И когда вызванный из-за стойки трактирщик подошёл, спросил:

– Уважаемый Стакаш, ответь мне как на духу, сильно ли ты оскорблён тем, что один из славных воинов нашего короля, граф Корман, подарил свой дружеский поцелуй твоей прекрасной дочери, тем самым признавая её бесподобную красоту?

Дворянчик, повернув голову, изумлённо уставился на меня. Вот уж чего он, похоже, никак не ожидал от своего сержанта, так это столь изысканно завёрнутой витиеватой фразы.

«Видимо, служба в столичном гарнизоне всё же приносит свои плоды» – вероятно, решил он.

Да и остальные поглядывали на меня с не меньшим изум-

лением, явно удивлённые тем, что я назвал Дворянчика полным титулом.

Наплевать! Для меня сейчас были все средства хороши. Лишь бы окружающие крестьяне (а особенно – сам трактирщик), прониклись важностью и высоким социальным уровнем прибывшего в их края отряда. (Вот ведь какими словами умными заговорил от напряжённости обстановки).

Трактирщик же, судя по всему, и вовсе никогда в жизни не встречался со столь вежливым обращением. А потому гмыкал, хмыкал, мялся, топтался на месте и не знал, что ответить. Да и что тут отвечать-то? С одной стороны, дочка и вправду не пострадала. Подумаешь, в уголке зажали да щипнули разок! И по глазам её видно было, что по нраву ей это пришлось. А с другой – зажал не кто-нибудь, а сам граф! Дворянин! А ежели оно и дальше к лучшему пойдёт, то кто его знает, как оно обернётся... Тут лишний раз словечко-то пожуюшь, прежде чем ляпнуть глупость какую... Все эти мысли прямо-таки читались на лице трактирщика.

А пока он молчал, соображая, как бы половчее ответить, в разговор вновь вступил Гролон:

– А вот объясни-ка, сержант, такую штуку, – обратился он ко мне, поглаживая бороду, – это как же так получается, что этот, как ты говоришь, граф, и простым солдатом ходит? Да ещё тебе, сержанту, подчиняется. Ему ведь по статусу положено офицером быть. Как же так?

– А вот так, – ответил я и, возвысив голос, чтоб все слы-

шали, продолжил, – сделано это по велению его отца, графа Кормана, заслуженного полковника Его королевского величества, всю свою жизнь королевской династии отдавшего. А пожелал сей славный воин, чтоб сын его, прежде, чем офицером станет, сам в солдатах походил, да на своей шкуре познал, какова она – лямка солдатская! А сроку на эту службу старый граф положил два года!

Проговорив это, я покосился на своих оболтусов. Т. е., открыв рты, изумлённо таращились на меня. Цыган, подперев рукой правую щеку и влюблённо глядя на меня, с упоением слушал, как я заливаюсь соловьём. Уж кто-кто, а цыгане-то лучше любого другого разбираются в искусстве «топтания ушей» собеседнику. Сам же Дворянчик лишь молча хлопал глазами, переводя их с меня на Гролона и обратно. Сельские мужики уважительно кивали, почёсывали затылки и бороды и сочувственно поглядывали на Дворянчика. «Мол, да, парень, крут твой батя. Но – справедлив! Так что, держись, мол».

Заметив такой успех моей речи, я развернул тему и углубил её, не забывая периодически многозначительно поглядывать на молодого графа.

– А сделал он это для того, чтоб сын его, когда сам начнёт людьми командовать, о своих годах солдатских завсегда помнил! И потому солдата простого понимал и бесчинствами не занимался! Так и сказал мне господин полковник на прощание, когда сына своего мне с рук на руки передавал.

Сделай, говорит, сержант, из этого разгильдяя человека достойного. А то избаловался он уж слишком, пока я из дома по делам служебным отсутствовал.

– Ну, знаете ли, господин сержант! – вскочил с места возмущённый Дворянчик, – это уж слишком! Я не позволю.

– Сядь! – махнул я рукой, – и помалкивай, когда старшие разговаривают. Ну, вот, сами видите, сельчане. Постоянно за его поведением следить приходится.

Ухмыляющийся во всю морду Степняк вновь усадил Дворянчика, обхватив его правой рукой за шею.

Мужики опять сочувственно покивали, но уже в мой адрес. «Да, мол, видим, сержант. Тяжко тебе с ним. Так что и ты – держись».

– Ну, коли так, – решился выразить общее мнение Гролон, – то и мы тебе, сержант, при случае, чем сможем – поможем. Верно, сельчане? Поможем?

Комната отозвалась нестройным одобрительным гулом. Поможем, мол, отчего не помочь, коли люди хорошие.

– А за этим молодым графом ты, сержант, всё ж таки приглядывай, – продолжил между тем Гролон и неодобрительно покосился на Дворянчика, – а то слишком уж на язык дерзок да невоздержан.

– Это само собой, – согласился я и, обернувшись к трактирщику, спросил, – ну так как, господин Стакаш, будем наказывать воина за внимание, им к твоей дочке проявленное?

– Да ладно, чего уж наказывать, – успев к тому времени

всё обдумать, махнул трактирщик рукой, – вы его, господин сержант, пожурите сами, по-свойски. Я вижу, Вы это умеете. Да, думаю, и довольно будет.

– Хорошо, – тут же согласился я, – так и поступлю. Теперь, уважаемый Гролон, что касается обид, народу нанесённых. Тут я признаю, что мой воин был неправ. Вёл себя грубо, дерзко и вызывающе. За что, как его командир, и прошу у народа прощения. А его я накажу. Своей властью. И в том я тебе своё слово даю. Такой ответ тебя устроит?

– А как накажешь? – любопытствовал кто-то из толпы, – нам бы убедиться желательно. А то ведь, как не крути, а он всё же – граф! А ты – простой сержант.

– Я своё слово дал, – в моём голосе прорезались лёгкие раскаты далёкого грома, – ты что, в слове сержанта королевской гвардии сомневаешься!?

– Нет-нет, господин сержант, – тут же поспешно вставил Гролон, – в Вашем слове никто не сомневается. Это он так сказал, не подумавши...

– Ну, то-то, – мгновенно «успокаиваясь», примирительно проворчал я, – а коли все наши вопросы решены, то по такому случаю не мешало бы опрокинуть и мировую, а? Что скажешь, Гролон? Я угощаю!

– Согласен! – отозвался тот, – Стакаш! Чего стоишь? Вина давай! Мировую пить будем. Согласны ли вы, люди, в мире с воинами короля нашего жить?

– Согласны! – слышалось сразу несколько голосов, – в

мире, оно завсегда лучше, чем лаяться да драться...

Ещё бы им не согласиться, хмыкнул я, на чужой счёт уго-
stitься, дураком надо быть, чтоб отказаться. Да и пригодим-
ся мы ещё друг другу...

Значительно позже, когда основная масса народу уже на-
гулялась и начала разбредаться по домам, от старосты прибе-
жал посыльный мальчишка с приглашением к господам сол-
датам проследовать в баньку. Мол, всё уже давно натоплено
и приготовлено. Вас ждут!

Потом, позже, когда уже шли от трактира по дороге к дому
старосты, я за рукав оттянул Дворянчика в сторону и тихим
шёпотом произнёс:

– Слушай меня внимательно, Дворянчик! Мне с местны-
ми проблемы не нужны. Нам тут два года службу тащить. И
поэтому ты либо учишься с людьми нормально разговаривать,
либо помалкивай в тряпочку и на рожон не лезь...

– Почему это я с деревенским быдлом сюсюкаться дол-
жен!? Кто они, и кто – я!?

– А кто – ты? – насмешливо бросил я. – Никто! И звать
тебя – Никак! У тебя даже имени своего нет. Одна кличка –
Дворянчик. А потому делать ты будешь то, что я тебе скажу.
Иначе тебе – конец! Понял? И учти: больше я за тебя ни
перед кем извиняться не буду. Да я лучше сам тебя пришибу,
чем до такого позора перед деревенскими опускаться. Всё!
Иди... в баню...

Дворянчик, судорожно скривившись, хотел было что-то

сказать, но, натолкнувшись на мой жёсткий взгляд, лишь раздражённо выдохнул, развернулся и быстро зашагал по улице, догоняя остальных. Вот так-то, парень. А ты думал, я тебя теперь до небес вознесу оттого, что при всех графом назвал? Перетопчешься...

Банька у старосты Будира оказалась знатная. Каменные стены, обшитые изнутри духмяной доской подолгу не выпускали тепло. А большая печь, сложенная из местного камня, пыхала таким жаром, что подойти к ней было просто невозможно. На трёхступенчатом полке можно было разместить весь наш отряд и ещё оставалось довольно много свободного места. В углу, в корыте с горячей водой, отмокали свежие дубовые и берёзовые веники. Там же стояли кадки с горячей и холодной водой для мытья и несколько шаек. На лавке лежали мочалки и несколько кусков мыла. Соскочив распаренными с полков, мы охлаждались в дубовых кадках, наполненных речной водой и стоявших в боковой пристройке. А в предбаннике на столе блестели запотевшими боками несколько кувшинов с охлаждённым домашним пивом.

– Да, хорошо, – довольно выдохнул разомлевший после парилки Циркач, отхлебнув пивка из кружки, – давно я так не парился...

Как следует напарившись, мы сидели и переводили дух в предбаннике, попивая пиво и довольно покряхтывая и жмурясь.

– Подумаешь, – дёрнул щекой Дворянчик, – баня... Жа-

рища, духота, теснота.

– Тебе не понять, – качнул головой Степняк, – То-то ты первым из парилки выскочил.

– Баня – для мужичья деревенского, – наставительно ответил граф, – а мы, дворяне, принимаем ванну, либо моемся в больших деревянных чанах с горячей водой.

– А у нас дома баня другая была, – вступил в разговор Одуванчик, – у нас жар был сухой.

– Как это? – не понял Цыган.

– Ну... Вот здесь мы воду на камни раскалённые брызгали. От них пар шёл. И воздух влажными и горячим делался. Так?

– Ну?...

– А у нас в степи воды мало. Потому и на камни мы её не льём. Сидишь на полке в сухом жаре, прогреваешься, потом исходишь, сколь терпеть сможешь. А уж когда совсем невтерпёж делается, насквозь пропотеешь, из парилки выскакиваешь и, как здесь, в кадку с водой холодной прыгаешь. В ней же потом и с мылом моешься. Вот так и паримся.

– Интересно, – качнул головой Циркач, – сухой жар... Я бы хотел попробовать.

– Вот и полезло из тебя твоё полумужичье происхождение, – тут же едко бросил Дворянчик, – сразу видно – не дворянин.

– Слушай ты. голубокровый. Рот закрой, пока тебе в него мочалку не вогнали, – лениво процедил Циркач.

– Кто? Ты, что ли?

– Слушай, Дворянчик, – повернулся я в его сторону, – ну, что ты за человек, а? Люди после бани вышли, пиво пьют, отдыхают после дороги. Тебе обязательно надо кому-то настроение испортить? Или мне твой язык подрезать, чтоб меньше всякого дерьма болтал?

Дворянчик что-то там невразумительно пробурчал и замолк, приложившись к кружке с пивом.

Мы посидели ещё немного. Помолчали. Тут вдруг ко мне повернулся Хорёк и без всяких предисловий задал вопрос:

– Послушайте, сержант, а почему вы не дали нам разобраться с этими деревенскими мужиками там, в трактире? Или вы побоялись, что мы с ними не справимся?

– Вот-вот, – тут же встрял в разговор возмущённый Дворянчик, – где это видано, чтобы всякая деревенская голытьба так с потомственным дворянином разговаривала? Да будь это хоть в самой столице, мы бы их быстренько уму-разуму научили!

– Возможно, – сделав глоток, согласился я, – возможно, будь это в столице, вы крестьян и проучили бы. Но здесь – не столица. Здесь – пограничье, фронтир. У них, что ни год, с горцами набегаящими стычки проходят. Так что это вам не забитые селяне из центральных провинций, а вполне даже подготовленные бойцы. Но дело даже не в этом...

– А в чём? – полюбопытствовал Зелёный.

– В чём?... А вот скажи мне: мы для чего сюда прибыли?

– Ну... пост пограничный установить...

– Верно. А для чего?

– Понятно, для чего, – ухмыльнулся Зелёный, – чтоб границу королевства нашего охранять.

– Так... А королевство – это что?

– Как – «что»? – Зелёный недоумённо переглянулся с остальными, – ну, страна наша... люди...

– Вот! – наставительно поднял я палец, – это ты верно сказал: люди! А вот теперь ответь мне: те сельчане, что здесь живут, они тоже к нашему королевству относятся?

– Ну, конечно! Они ведь на нашей земле живут, нашему королю подчиняются.

– Вот видишь! А вы их бить собрались. Кто ж бьёт того, кого защищать должен?

– Они первые начали! – опять завёлся было Дворянчик.

– Уж ты-то помалкивай, – бросил я ему, – кто бы говорил...

– Сиди уже, – приобнял его за шею Степняк, и ухмыляясь, добавил, – а то сержант тебя обратно к папочке отправит...

Вспомнив, что я нагородил в трактире, заулыбались и остальные.

– Да, сержант, – уважительно покачал головой Цыган, – я чего только не слышал в своей жизни. Но чтоб вот так с ходу, безостановочно и, главное, правдоподобно «ездить по ушам» слушателям. Такое не часто встречается. Где ж вы так наловчились?

– Жизнь всему научит, – улыбнулся и я, – ну, так вот, парни. Подведём итог. Нам с местными надо жить в дружбе и взаимопонимании. Иначе ничего путного у нас тут не получится. Надеюсь, это всем понятно?

Возражений не последовало. Похоже, поняли все.

«Уж не знаю, как другие, а мне этот сержант нравился. Хоть и жёсткий он, и гоняет нас, как шкетов неразумных, а всё же чувствуется в нём отношение к нам человеческое. Я это особенно заметил, когда он историю Одуванчика выслушал, да разрешил ему куклу сестрёнкину оставить. И как потом, в трактире, за Дворянчика заступился, не отдал деревенским под наказание. У меня мастер-кузнец такой же был. Всегда за меня, да и вообще – за своих, заступался. А глянешь на него – страхолюдина, каких мало! Упаси Вышний с таким по ночи на улице повстречаться – сам на дорогу замертво рухнешь. А сердце у него было доброе. Особо он детей любил... Вот и десятник наш, похоже, из таких же будет... А то, что он вместо имени Степняком меня обозвал, так поначалу мне тоже, как и остальным, обидно было. Всё ж таки, у меня своё имя есть, отцом-матерью дадено. А потом – ничего. Привык. Даже нравиться стало...»

Пост

Сидя в седле, я внимательно и неторопливо оглядывал окрестности. Слева, в полумиле от того места, куда нас привёл проводник, через хребет на восток уходил перевал. Дорога была не наезженная, высокой травой поросшая. Видать, не часто здесь люди на ту сторону ходят... По обеим сторонам перевала ввысь уходили вершины двух скалистых хребтов, раскинувшихся вправо и влево столь же скалистыми отрогами. Как сообщил мне молодой проводник с интересным именем Скилдун, на ближайшие несколько миль в обе стороны дорог за хребет больше не было.

— Вот здесь, у скалы, господин сержант, и есть самое удобное место для поста вашего, — ткнул пальцем Скилдун, — лучше и не придумаешь. И перевал рядом, и от ветра прикрыты будете. А там, под скалой, и родничок имеется. Вода, значит, завсегда при вас будет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.